

18+

Самара

Mo

"БИФ ВЕЛЛИНГТОН ИЛИ НА 🤩 Готовку"

Самара Мо

Биф Веллингтон, или На..й готовку

«Издательские решения»

Мо С.

Биф Веллингтон, или На..й готовку / С. Мо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984553-5

Всё о чём мечтает Кира — поскорее похоронить старуху, продать ненавистный дом и зажить новой жизнью, где нет места колдовству и бесконечному безумию. Но свобода далеко, а последний вздох бабки вовсе не избавление. Невидимая цепь свяжет судьбы Киры и сущности, что прорвётся из мира мёртвых. Кулинарная книга будет извлечена на свет. Восемь рецептов. Восемь неоправданно загубленных душ, ради него одного — того, кто хочет насытиться их страданиями вдоволь. Того, кто жаждет вернуться в мир живых. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-984553-5

© Мо С.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Биф Веллингтон, или На**й готовку	8
Глава 1. Мальчик и цветки глицинии	8
Глава 2. Смерть старухи. Пророчество о кулинарной книге	20
Глава 3. Появление мальчишки. Бабочки	26
Глава 4. Журе́к. Зашитые нитками руки	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Биф Веллингтон, или На..й готовку

Самара Мо

Дизайнер обложки Алексей Мальцев

Редактор Клэр Вирго

© Самара Мо, 2020

© Алексей Мальцев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4553-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Существует легенда, повествующая о человеке, чья душа не знала покоя, а сердце никогда не трепетало от счастья. Свою жизнь он считал растроченной впустую и потому отправился в путь, не жалея о том, что оставил позади. Тот путь в итоге привёл его к дряхлому старцу, одному из многих что встречались ему на дороге, но не давали ответа на мучающий его вопрос: как же познать самого себя и быть счастливым?

– Расскажите, как вы поняли кто вы есть? Как узнали в чём ваше предназначение? – в очередной раз спросил скиталец.

Мудрец надолго задумался, разглядывая длинную цепочку людей что выстроилась перед порогом в его дом, а затем ответил:

– Всё что накопилось во мне злого, грязного, отвратительного, я выбросил из себя пережив боль, какую мне не приходилось испытывать прежде. Тем самым я освободил своё сознание и сумел познать себя, изучив то малое настоящее, что осталось внутри меня.

– Но как же вы выбросили все это? – заинтересовался человек заелозив на стуле.

– Я написал книгу, – объявил старец так, будто это и без ответа было очевидно.

– Но что это за книга? Она здесь? Я о ней когда-нибудь слышал? Могу я посмотреть на сам процесс изгнания из вас тех негативных эмоций?

– Ты мог бы, если бы родился лет на тридцать раньше, – усмехнулся старик.

– Почему же?

– Потому что она канула в небытие, как и все мои прежние воспоминания, не оставив и следа. Всё что было до того, как я познал свою сущность, исчезло. Это прошлое – его нельзя тянуть за собой. Но, к счастью, это не приуменьшает значимости самой книги. Это вежа, которую должен переступить каждый ищущий себя.

– Ммм, понятно, – неуверенно протянул путник, – А как же быть с предназначением?

Старик тяжело вздохнул, удивляясь странному вопросу.

– Ты должен отдавать. Всегда. Всю жизнь. Тем или иным способом и только то, что сам желаешь отдавать.

Доподлинно неизвестно, написал ли тот человек книгу или, как её аналог – картину, песню, композицию и помогла ли она ему в его поисках. Признаться я и не пыталась это выяснять. Вместо этого задумалась, как же редко мы заглядываем внутрь себя, без малейших сомнений принимая всё то, что навязывает нам внешний мир. Общество.

Многие ли из нас отваживаются наплевать на свои страхи и задают себе вопрос – чего же я хочу на самом деле? Не слушая никого. Жить так, как велит сердце. Неужели это недопустимо?

Как и тому неизвестному человеку из легенды мне захотелось узнать, в чём же значимость человеческого бытия? Где её искать? И лишь много позже я узнала, что она внутри каждого из нас. Не снаружи. К ней нет определённого пути, по которому можно было бы пройти ногами.

Ещё в те времена, когда я только начинала осваивать навыки писательского мастерства, осторожно пробуя слова на вкус, цвет и запах так, словно они могли уничтожить меня или поработить, я уже точно знала о чём хочу писать. Явление редкое, но всё же не уникальное – знать, что тебе по душе. Возможно, высокомерно прозвучит, но мне хотелось, чтобы любой мой текст находил отклик в сознании людей. Оставлял после себя томительное послевкусие, принуждающее задуматься и поразмышлять. Желание помогать зародилось уже тогда, просто я не знала, КАК. Возможно ли вообще помогать людям используя лишь слово? Заставить вновь поверить в чудеса. А когда услышала ту легенду, поняла наконец, что нужно делать.

Ранее в своём творчестве я безуспешно стремилась связать воедино интригующий сюжет с почти эпохальными рассуждениями на тему бытия. Скажу честно, получалось скверно. Но я не прекращала развиваться. Просто не могла бросить то, что люблю. Ведь сдать, значит поте-

рять себя. Саму свою суть. Тогда, я ещё даже и не подозревала сколь много страданий ждёт меня впереди.

Моя первая достойная книга под названием «Биф Веллингтон» появилась на свет именно тогда, когда я попыталась отпустить свои предрассудки и безоговорочно последовала словам наставляющего старика из той легенды. Я использовала один из способов познания через выражение своих истинных страхов на бумаге. Беспощадное уничтожение своих демонов. Я выпустила их на свободу, позволила набраться сил и задушила на самом критическом пике, пока они ещё не научились летать. То был первый этап на пути познания, но далеко не последний.

Приступив к написанию книги, я буквально схватила в руки ржавый затуплённый мачете, что ждал своего часа валяясь в сырой земле, и не задумываясь о последствиях повырубала размахивая им направо и налево те непроглядные дебри, что разрослись, постепенно загнивая в моём мозгу. Дебри что препятствовали доступу света. Я уничтожила громадных москитов, что неустанно отвлекали меня жужжанием своих крыльев. Тех, что, впиваясь жалами в моё тело сосали кровь. Растерзала змей – гадов ползучих, что отравляли мою кровь своим ядом. В прямом смысле слова я впервые увидела и услышала мир таким какой он есть, без особого труда игнорируя внешние факторы – всё то, что окружало меня снаружи.

Вы не увидите в книге подробных руководств или пошаговых инструкций, что и как нужно делать. Лишь сам процесс избавления от негативных эмоций, облачённый в художественную форму. Эмоций что надёжно укоренились в каждом из нас.

Её текст подобен тому, что описан старцем в легенде. Тому тексту, что пропал и канул в небытие, так и не раскрыв своих тайн человеку, пришедшему познать их. Теперь же у вас появилась возможность проследить за столь сакраментальным процессом, ведь он в каждой строчке и мне не жаль делится им. Вы можете пройти эту веху так же, как прошла её я. Стать чуть ближе к осознанию того, кто вы есть на самом деле и зачем пришли в этот мир, применив ту же практику. Поскольку творить способен каждый.

Биф Веллингтон, или На**й готовку

Глава 1. Мальчик и цветки глицинии

– Наконец-то ты пришла! Где тебя носило?

Пожилая женщина с покрытым испариной лицом прошмыгнула мимо, всучив мне охапку только что выдранных с корнем лилий. Похожая на огромное красное облако в своём широком балахоне, она поднялась на веранду, прихватив с собой те цветы, что не уместились в моих руках, и небрежно вывалила на стол. Несколько из них покатались по чайному столику и упали на пол. Старушка этого будто и не заметила. Оббежала стол кругом, растоптав белые лепестки измазанными чёрной землёй ногами, и с громким выдохом плюхнулась на широкую качель, заложённую мягкими, почти невесомыми подушками. Она вытерла рукавом балахона капли пота, выступившие на озабоченном чем-то лбу, а затем выудила из-под подушек секатор, блеснувший на солнце, словно мясницкий нож.

– Вообще-то, тётя, если ты не знала, эта грёбаная нога, по милости твоей необыкновенно заботливой сестрёнки, уже много лет доставляет мне массу неудобств и боли. Но... какое тебе собственно дело до моих переживаний? Лучше объясни – что здесь творится? Ты занялась прополкой сада что ли? Зачем ты повывёргивала столько цветов? – спросила я, бесцеремонно скинув вырванные с корнем растения на землю, после чего отряхнула свою безвозвратно изгаженную почвой белую тунику от Ив Сен Лорана и размяла ладонью ноющую от долгой неудобной прогулки ногу. Негодование и любопытство привели меня в дом тётушки, которая, кстати, тёткой мне вовсе не являлась. Её встревоженный голос озадачил меня ещё во время разговора по телефону, но я и представить себе не могла, что застану её в столь растрёпанных чувствах. Такой взвинченной я не видела её ещё никогда.

Рука её дернулась, сведённая судорогой. По телу пробежала дрожь, от которой женщина сжалась, словно бы пытаясь укутаться в кокон, и закрыла глаза. Несколько секунд она не двигалась вообще, всё больше удивляя меня своим поведением, а потом схватила цветок и резким движением отсекла секатором пол стебля. Не глядя, Офелия кинула изувеченную лилию куда-то себе под ноги. Я пригнулась, ведомая любопытством и увидела стоящую под столиком плетёную корзину, которую и не заметила бы, даже если бы подошла ближе.

– Почему не отвечаешь? – попыталась произнести я грозно, но вышло не очень. – Поднялась по ступенькам из светлого теплого дерева на веранду, стараясь не сильно нагружать ногу. Медленно обошла оставленные босыми ступнями старушки земляные следы. Подошла к креслу, расположенному рядом со столиком и уселась в него, вздохнув с облегчением. Наклонив голову, заглянула в корзину. Оказалось, там уже лежали три срезанные ею лилии, к которым и присоединился тот покалеченный цветок. Судя по всему, она намеревалась проделать то же самое со всеми остальными лилиями. Но зачем?

– Нужно больше цветов. – В подведённых чёрными неаккуратными стрелками глазах читалась дикость. – Я не подозревала, но понадобится больше.

– Что? О чём ты говоришь? – я протянула руку и взяла один из цветков. Поднесла его к носу и втянула в себя угасающий аромат. – Ты раньше никогда не срезала цветы. Сегодня особенный день?

– Как ты можешь говорить подобное? – произнесла она озлобленно, скривив свои красные тонкие губы. – Ты не можешь знать, что я делала раньше. Когда высаживаю их, когда срываю. Тебе это неизвестно. – Отрезанные стебли падали на подол её балахона с ужасающей скоростью. Лепестки, кружась, планировали на пол веранды.

– Ну да. Откуда мне знать? – И это было правдой. Свою двоюродную бабу, я можно сказать почти и не знала. Фактически, она приходилась сестрой той старухи, что воспитывала меня. Но я звала её тёткой. Возможно, причиной тому послужил тот факт, что они со старухой являлись друг другу кровными сёстрами. Эта бездушная особа навещала наш с бабушкой дом строго по четвергам на протяжении долгих лет, в течение которых происходило моё ничтожное взросление. Только по четвергам, и ни в какой другой день больше. Что было тому причиной, мне неизвестно. Может когда-то, в далёком детстве, я и спрашивала её, но ответа я не помню. Она вообще всегда была странной женщиной. Никогда не носила обуви. Всегда надевала эти свои балахоны, укутывающие её тело с головы до пят. И все они, были красного, яркого, режущего глаза цвета, различаясь между собой лишь оттенками. Мне никогда не нравился столь яркий цвет её одежд, даже когда я была совсем ещё девочкой. Не нравилась напускная забота женщины, приносящей нам со старухой еду, бережно упакованную в пластмассовые контейнеры. Всегда теплые, словно она приготовила их где-то по пути к нашему дому, дорога к которому, с её то габаритами не могла составлять никак ни меньше часа. Ведь если бы она и впрямь желала бы заботиться обо мне, то позвала бы жить в свой дом. В дом настолько красивый и опрятный, что он мне даже снился по ночам. Стены, обитые деревянными планками из побелённой сосны. Полы, застеленные мягкими пушистыми коврами, на которые так и тянуло прилечь, и вздремнуть часок другой, прикоснувшись к их пушистой поверхности щекой. Когда-то в детстве, я так и делала, но... не часто. Дом тёти Офелии я посещала всего несколько раз.

Я предпочла бы жить там, а не видеть её тучную переваливающуюся фигуру, приближающуюся к нашему покосившемуся дому, нагруженную пакетами с едой, от которой она скорее всего просто хотела избавиться, чтобы не перенасыщать своё и без того раздутое тело. Нет, я не видела в этом, ни акта милосердия, ни заботы. И всегда хотела крикнуть вслед её удаляющемуся по тропе силуэту: Если тебе что-то не нужно, просто выбрось это на помойку. Нечего таскать всё это к нам!

Но я всегда молчала, и долго плакала, уткнувшись головой в колени, когда она покидала нас. Каждый четверг. В эти моменты, меня как никогда переполнял гнев, от осознания её состоятельности. От того что она не нуждалась ни в чём и при том не желала поделиться этим со мной. За что она так?

– Так зачем ты меня позвала? – спросила я, наблюдая, как Офелия яростно орудует острым, как бритва инструментом. Мой вопрос наконец-то достиг её мозга. Она остановила работу. Лицо её морщинистое, но вовсе не обвисающее, как это бывает у стариков, разгладилось. Брови, как и прежде, взмыли вверх, словно она вспомнила что-то крайне важное. Вечно выискивающие какой-то подвох глаза сосредоточились на мне, будто она только сейчас осознала моё присутствие.

– Кира, детка, – произнесла она, нереально мягким голосом, так сильно контрастирующим с тем, которым она говорила всего пару минут назад, что мне стало страшно от этого её внезапного спокойствия. Рот её расплылся в нежной улыбке, обнажив белые зубы. Теперь она выглядела такой, какой я привыкла её видеть. Ну... почти такой, если не обращать внимания на тёмную прядь волос, что выбилась из-под ярко-красной атласной ленты, перетягивающей её седые волосы. Эта прядь была единственной, по которой ещё можно было определить первоначальный цвет её волос. Теперь она торчала вверх словно кто-то тянул Офелию за волосы, до того, как я появилась на её пороге. А, может, это сделала она сама? – Ты не замечала чего-нибудь странного с моей сестрой, в последнее время?

Я рассмеялась. Звонко, почти истерично. Просто не смогла сдержаться.

– Странного? Ты для этого меня позвала? Узнать, не происходит ли что-то странное со старухой?! Откуда такое беспокойство?

– На то есть причины, – спокойно ответила тетка, не отводя от меня решительного пристального взгляда, говорящего, что сегодня она выведает все, что ей нужно.

– Что же, ладно. Странного, говоришь? С чего бы начать? Может, с её одержимости насекомыми, которых я не в состоянии извести ни спреями, ни ядами и о присутствии которых тебе, несомненно, известно. Я слышу их шорох по ночам. Жужжание крылышек, когда они перемещаются по дому. Муравьи, клопы, тараканы, мухи и саранча. В любой угол загляни, и ты найдёшь их там. Они прячутся в темноте, зарываются в пыль, выжидают, охотятся. Они приползают к ней. Я знаю. Эти твари любят ее, и она отвечает им взаимностью. Приманивает их, разбрасывая по полу хлебные крошки. Общается с ними. С живыми-то ладно, но как же быть с её непрекращающимися разговорами с мёртвыми тушками бабочек, которыми увешаны стены дома, в котором я вынуждена жить? Она гладит их. Вечно что-то бубнит себе под нос, прижавшись лбом к стене. Да что я говорю? Ты же и сама всё знаешь. Хотя нет. Насколько мне известно, ты предпочитаешь не замечать явных признаков её сумасшествия, ведь постоянно только и делаешь, что ругаешься с ней. Там, за закрытой дверью гостиной. Думаешь, я не слышала, как вы шипите друг на друга, словно две ядовитые змеи? Думаешь, я об этом не знаю? Не считай меня идиоткой!

– Я и не считаю. – Она нагнулась, не отрывая от меня взгляд, побуждая рассказывать дальше, и выудила из-под стола налитый доверху бокал с белым вином. Отхлебнула. Скорчилась, но больше ничего не сказала.

– Ничего нового я тебе не поведаю. А для меня под столом бокал не припасён? Случай-то неординарный. Быть приглашённой к тебе в гости...

– Тебе не стоит пить. Мне известно о твоём пристрастии и том, что ты частенько навещаешься в бабкин погреб за бутылочкой-другой. Но тебе пора остановиться и прекратить гробить свою жизнь.

– А не пошла бы ты в жопу со своими нравами?!

– Просто расскажи всё, что знаешь, и я не стану комментировать твои опухшие глаза.

– Только зря отнимаешь моё время. Но если тебе так надо, слушай. Как и прежде, она шастает ночами по полям за домом. Иногда, я думаю, довольно далеко углубляясь в чащу леса. Шастает в одной изорванной сорочке, давно уже не белой. Со взъерошенными, распущенными волосами и отсутствующим взглядом. Появляется под утро с налипшей на босые ноги грязью. Я так понимаю, это у вас семейное. Иногда замечаю на ней порезы и запёкшуюся кровь. Но что с того? Мне нет до этого дела. Если честно, я удивляюсь лишь одному: как в наших краях ещё не появилось легенды среди местных о ведьме, выползающей под светом луны. Это просто удивительно! К тому же она почти ослепла, наверное. Глаза затянуты какой-то белёсой пеленой, но она довольно неплохо ориентируется в доме и даже за его пределами.

– Конечно. Это же её дом.

– Ага. Бесспорно. Но ты знала, что она врезается в стены, ходит, выставив руки вперёд? Мне кажется, она видит что-то временами. Возможно, нечто вроде проекций её больного сознания, до которых пытается дотянуться, несмотря на существующие преграды. А потом я слышу, как она хнычет, но как-то совсем не жалобно. Скорее зловеще. А может, она там и не плачет вовсе? Мне плевать. У меня мурашки от неё уже давно. Наверное, с тех пор, как повзрослела и поняла, что подобное поведение не считается нормальным. Я не подхожу к ней узнать, что случилось и в чём причина этих её «приходов», если тебе интересно. Никогда. Как бы сильно она ни ударилась. Не хочу во всём этом участвовать. И жалости к ней не испытываю. После всего того, что она сделала со мной. После всего, что ты допустила.

Когда я закончила рассказывать, руки мои тряслись от гнева. Тем более от того, что тетка заставила меня произнести слова, которых говорить не стоило. Казалось, ещё мгновение, и я заскриплю зубами, пытаюсь сдержать злость, но Офелия как будто именно злости от меня и добивалась. Ни один мускул на её лице не дрогнул даже после того, как я обвинила её

в травме, нанесённой мне в далёком детстве. Боль, которую я вовсе не стремилась отпускать. И не пыталась прощать.

– Всё то, что ты рассказываешь, мне действительно известно.

– А я о чём? Хватит! Вижу, у тебя не было веских причин звонить мне и приглашать к себе домой. То, что и без меня знаешь, могла бы выведать и по телефону. Так что идите вы обе куда подальше. Понятно?

Я спрыгнула с кресла, забыв о ноге, не дожидаясь ответа, и тут же поплатилась за это жгучей болью. Желание покинуть её дом повело меня вниз по ступенькам с веранды. Она не попыталась остановить меня, приняв всё то, что я выплеснула. И тут увидела крест, вырезанный из кости какого-то африканского животного, валяющийся на тропинке. Но... как же не заметила его прежде? Я точно помнила, что дорожка была пуста, когда поднималась по ступенькам. Никчёмный и забытый, он заставил меня остановиться. Подняла его, ощутив холодную тяжесть серебряной цепи, и оглянулась на тётку, всё так же восседавшую на еле покачивающихся качелях.

– Эти насекомые всегда были там, но... в последнее время, мне кажется, стали проявлять ко мне более настойчивый интерес. Будто я их чем-то заинтересовала. Стала пахнуть по-другому, может. А может... – вдруг вспомнила я, сжимая крест в ладони.

– Зачем ты остановилась?! Продолжай. Что «может»?

– Может, просто время пришло. Это я хотела сказать, хотя и не знаю почему.

– Подойди ко мне, детка. – Пожилая женщина тяжело вздохнула и поманила меня к себе рукой с зажатым в ней цветком. – Не нужно уходить. Никто тебя не гонит. Только ты сама. Я не желаю тебе зла и не хочу, чтобы ты ненавидела меня за что-то. Придёт время, и всё поймёшь сама. Но ты не права. Оно ещё не пришло.

К чему обманывать себя? Я хотела хоть ненадолго побыть под её защитой, вдали от дома, и потому двинулась обратно, но в кресло садиться не стала. Села рядом с ней прямо на цветы. Хотелось ощутить теплоту, которой не ведала ранее. Хотелось, чтобы тётя успокоила меня. Я протянула ей крест. Она приняла его, не сказав ни слова.

– Мне кажется, они залезают мне в ноздри, пока я сплю. Залезают мне в уши. Путаются в моих волосах, будто готовят гнездо или муравейник. Я слышу их перебирающие по моей коже жёсткие колючие лапки, но двинуться не могу. Не могу проснуться или крикнуть, потому что слышу не только их. Ещё я слышу голос.

– Что он говорит?

– Поначалу, просыпаясь, я замечала приоткрытое окно и только. Окно, через которое дул прохладный ветерок. Приятный. Вроде бы, что такого-то? Но я всегда проверяю перед сном, закрыто ли оно. Окно и дверь. Потому как не могу гарантировать, что под покровом ночи через него в комнату не заберётся какая-нибудь гадость. Потому я и обратила на это внимание. Более того, испугалась от того, что знала, кто тому виной. Не ветер и не моя возможная забывчивость. Она.

Иногда ночью... Я знаю, она пробирается ко мне в спальню, а эти ползающие по мне жуки словно пытаются отвлечь от её присутствия. Старуха гладит меня по голове и шепчет. Я слышу приглушённый хриплый голос, вырывающийся из её рта со зловонным дыханием, таким надрывным, что хочется кричать. «У тебя всё получится, – шепчет она в мою щёку. – Ты идеальный вариант». Что это значит, тётя?

– Я не знаю.

– Ты лжёшь мне! Постоянно лжёшь мне. Всё ты знаешь. Только говорить не хочешь. – Я отпрянула от неё, словно обожглась. Почему она не хочет сказать мне правду?

– Старуха скоро умрёт, – как будто это должно было что-то значить, констатировала тётка.

– Да и хрен-то с ней! Верится с трудом, конечно, но ты же знаешь, грусти во мне эти слова не вызывают. Порадуюсь и только. Скину с себя, наконец, груз своей никчёмности, что она заставила таскать всё детство. Вздохну легко и продам к чертям дом. Если она и вправду умрёт, мне там делать нечего.

– Не думаю, что всё будет так просто, как ты себе это представляешь.

– Что?! О чём ты?

Она посмотрела на меня задумчиво. В чём-то даже печально.

– Знаешь, я всегда считала, что тебе стоит перекрасить волосы. Чёрный цвет портит твоё лицо, хоть и достался тебе по наследству. Ты слишком бледная, слишком унылая, как будто не живая. Похожа на воронёнка с подбитым крылом. – Тётка провела рукой по моим распущенным волосам почти так же, как это делала её сестра. Она специально, что ли?!

– Какая разница, какого цвета мои волосы? Или ты рассказываешь мне, что происходит, или я ухожу. Потому что меня достали ваши секреты.

– От себя не убежишь, – произнесла она, похоже, действительно издеваясь надо мной. – Я знаю, ты хочешь вернуть свою мать. Или, возможно, присоединиться к ней, но ты жива... а она мертва. Этого не изменить. То, что ты делаешь с собой... это просто нечестно по отношению к ней. Пойми уже, наконец. – Я раскрыла от изумления рот, собираясь наброситься на неё с расспросами, но она остановила меня, всем своим видом показывая, что ответов не будет. – Ты посиди тут недолго. Я только принесу кое-что. Передашь старухе.

У меня заболела голова. Когда я обречённо опустила лицо себе на колени, она ещё сидела рядом. Судя по всему, размышляла о чём-то, глядя на меня, но потом я почувствовала, как она поднимается с качелей, тяжело опираясь о стол, который даже покачнулся от её веса. Тут же раздался еле слышный звон колокольчиков, висевших над входной дверью, и она остановилась. Я не видела этого, но спиной почувствовала сковавшее её напряжение. Подняв голову, заметила, что тётя стоит и смотрит на их ритмичное покачивание.

– Колокольчики звонили, – то ли утверждая, то ли вопрошая, сказала она.

– Ветер, наверное, но я, если честно, не...

Одним резким движением она сорвала их и бросила на пол, так сильно исказив от ярости лицо, что я чуть не вскрикнула от внезапности. В последний раз они звонко брякнули и, наконец, затихли насовсем. В ужасе вжавшись в качели, я наблюдала за тучной пожилой женщиной, что смотрела неотрывно на поверженные колокольчики, словно видела там выводок змей. Какую опасность они могли представлять? Чего она выжидала? Что они набросятся на неё? Начнут звенеть, словно одержимые злым духом?

– Тётя, что на тебя нашло?

– Не двигайся. Подожди меня здесь. Я сейчас. Я потороплюсь.

Она скрылась за дверью бесшумно. Буквально вплыла в дом, который, казалось, поглотил её красную фигуру. Я следила за тем, как стекают капельки по бокалу сухого белого вина, которое пила тётка, размышляя над тем, выпить его или нет, а затем вдруг вспомнила лицо матери. Не хотела вновь тонуть в её образе, таком родном, таком недостижимом. Но он возник и вместе с собою принёс запах. Запах, который я гнала из своих воспоминаний, как могла. И сегодня тоже. Запах свежести, наполняющий сад моей сумасбродной родственницы, всецело поглотил приторно-сладкий аромат глицинии.

– Нет! Только не сейчас.

Машинально я махнула перед собой рукой, пытаюсь развеять иллюзию. Так, словно отгоняла от себя назойливую муху. Схватила бокал с вином и почти засунула туда свой нос, стараясь заглушить появившийся в сознании аромат резким запахом кислого вина, но он не исчезал.

– Не хочу я никуда смотреть, Ута. Не проси меня. Это слишком больно – попросила я, но знала, что не выполнить её просьбу просто не смогу. Никогда у меня это не получалось, хоть я и старалась забыть.

Я сдалась. Подняла глаза и увидела её. Такую же, какой запомнила когда-то давно. Золотистые кудрявые волосы, спускавшиеся ниже лопаток. Голубые глаза, словно у сказочной феи, что снилась мне иногда по ночам. На лице нежная улыбка, но говорит она строго, серьёзно. В последнее время она вообще мало улыбалась, но мне только три, и я не знаю, что послужило тому причиной. Я лишь могу ощущать её состояние своими эмоциями и точно знаю, что мне не по себе, и потому тяну её маленькой ручонкой за подол белого ажурного платья. Вымазываю его чем-то шоколадным, но значения этому не придаю. Я же ребёнок. Куда больше меня беспокоят её натянутая улыбка и то незнакомое мне строение вроде домика, но без стен, крыша которого увита растением, похожим на лиану. Грозди фиолетовых цветов свисают с той крыши, подобно гроздьям винограда. Невероятно красивое зрелище, но мне лишь страшно от того, что до них почему-то нельзя дотронуться и съесть.

– Никогда не смей их трогать! – грозно говорит мне мама. Я вижу, как в её глазах сверкают блики солнечного дня, в котором мы застыли. Слёзы? Да. Скорее всего. Но почему? Мне тоже хочется плакать от того, что плачет мама, но страх сильнее. – Никогда. Поняла меня, Кира? Не прикасайся к этому растению. Никогда. Очень важно, чтобы ты запомнила это, милая, потому мы и здесь. Но бояться нужно. Мне нужно, чтобы ты боялась.

С ней что-то не так, я понимаю это даже в три года от роду. Смотрю на свои малюсенькие сандалии и деревянный пол беседки. Почему я не могу смотреть на эти красивые цветы? Не могу съесть их, ведь это просто виноград. Я часто ела виноград.

Нарочно, словно услышав мысли своей маленькой дочери, мама поднимает руку и проводит ею по фиолетовым нитям из цветов.

– Не слушай никого, кто скажет тебе, что это не опасно. Даже мне. Это растение – яд. Его кора и листья ядовиты настолько, что смогли бы убить вон ту собаку, если бы она съела их. Вон ту, видишь?

Мысли о слезах уходят. Бегающая по стриженной зелёной траве большая собака куда интереснее. Но ведь собаки не едят растений.

– Она не будет есть траву, – замечаю я сердито.

– Но палку-то она с удовольствием погрызёт. Правда, утёночек?

И правда. Теперь я вижу, что собака не просто так скачет по траве. В зубах она сжимает какую-то корягу. Я с опасением смотрю на мать, ожидая, что собаке сейчас станет плохо и больно, как мне когда-то. Но мать касается моего пухлого детского личика пальцем, отворачивает мой взор от собаки к себе.

– Не беспокойся за пса, – говорит она. – С ним ничего не случится. Но может случиться с тобой. Потому-то мы и здесь. Потому что я хочу, чтобы ты запомнила это место и, когда придёт время, возвращалась сюда, пусть даже и мысленно. Оно свяжет нас с тобой. Мне нужно, чтобы ты прислушалась к журчанию холодного горного ручья, что течёт там, позади, за беседкой. Чтобы ты запомнила тропинку, выложенную необработанными камнями кем-то очень-очень давно. Задолго до того, как появилась на свет я, и даже задолго до того, как появилась бабушка.

– Бабушка взрослая, – говорю ей, но она явно не хочет, чтобы я отвлекалась.

– Запомни эту крышу, похожую на хмурое фиолетовое небо. На самом деле, это всего лишь ядовитые цветы, распустившиеся под облаками.

– Ты говорила, что расскажешь мне сказку, – хмурясь, напоминаю я. На самом деле, мне куда интересней было наблюдать за прыгавшей с палкой собакой, чем за журчавшим ручьём, тропинкой из камней и теми цветами, которые почему-то похожи на виноград. Ведь мне всего лишь три.

– Конечно, расскажу. – На лице её читается беспокойство, и она вновь пытается скрыть его натянутой улыбкой, которая так мне не нравится. Мама склоняется надо мной и целует в макушку, нежно сжимая голову руками, но как-то странно, словно я пытаюсь куда-то убежать.

Но я не хочу бежать. Хочу услышать историю, что она обещала рассказать, когда мы шли сюда, а я идти не хотела. Она присаживается передо мной на корточки. Теперь я вижу её блестящие глаза прямо напротив своих. Затем она берёт мои ладони, сжимает крепко, так же крепко, как только что сжимала голову, и начинает обещанный рассказ:

– История эта началась не сегодня и не сейчас. Она случилась в день, когда погиб светловолосый мальчик, о котором никто не знал, и родилась девочка, о появлении которой мечтали все. Но тогда об этом ещё никто не подозревал. А если знали бы, то не допустили бы беды.

Она началась, когда женщина с раненой душой прокляла весь мир и воздвигла своими руками церковь с покачивающимся, словно маятник, колоколом, который никогда не звонил. Воздвигла для себя, не для кого-то другого в надежде замолить свои грехи. Но там, где так часто воеет зло, бог не живёт. Её молитв никто не слышал. Никто... кроме... светловолосого мальчика. – Её речь вдруг стала заплетаться, будто она не могла вспомнить, что же было дальше, но я даже не напряглась. Я внимательно слушала историю. Ещё несколько раз мама сделала напрасные потуги произнести хоть слово, а потом прямо на глазах своей маленькой дочери с внезапно остекленевшим взглядом повалилась на землю и более не двинулась.

Как часто я пыталась забыть её лицо. Мёртвое, похожее на восковую маску. Не выражающее ничего. Та маска не моя мать! Я закрываю глаза. Не хочу на неё смотреть.

И вот оно опять передо мной. Терзает меня. Я вижу в тех безжизненных расширенных зрачках отражение своего детского личика, обрамлённого чёрными кудряшками. Совсем не такими, как волосы матери. Знаю, что не двинулась тогда. Не закричала. Не позвала на помощь. Маленькая, застывшая на месте девочка, наблюдающая за бездыханно лежащим телом и тоненькой струйкой крови, медленно вытекающей из её носа, словно в этих скудных каплях крови заключалась вся её жизнь.

Помню, как подбегает та собака, что грызла палку, и принимается лизать моё лицо. Чьи-то жёсткие руки касаются меня, но я не произношу ни слова. Ведь я держу за руку маму! А она держит меня. Так же крепко, как несколько минут назад. Как же мне потом хотелось верить, что это невозможно. Что лишь она одна – моя мать, умудрилась и после смерти не разжать держащих мою ладошку пальцев. Что не хотела отпускать и не хотела покидать. Что всё это не более чем случайность, и мамы не погибают на глазах у своих трёхлетних детей вот так вот запросто, просто перестав дышать. Но она это сделала. Она покинула меня.

– Оставь меня, – прошу через силу. Прошу её закрыть свои бездонные глаза, в которых я и через столько лет тону и пропадаю.

«Но ты должна увидеть. Должна вспомнить», – слышу я её настойчивый голос.

Я называла её Утой, потому что была слишком мала и не могла выговорить утка, но совершенно не помню почему, сколько бы ни старалась вспомнить.

– Ты мама Ута, да? Это ты? – Лепетание детского голоса.

– Да. Мама-утка – это я. И я о тебе позабочусь.

А затем всегда следовал её звонкий смех, такой пронзительный, что я всегда прижимала ладошки к ушам. Её больше нет. Никогда не будет. Она только в моей голове и при том везде, где бы я ни была. Не оставляет меня, как и обещала.

«Открой глаза и посмотри, утёнок», – зовет она ко мне.

«Не хочу, не хочу, не хочу», – думаю я, но глаза всё же открываю и тут же замечаю перемены. Оказывается, невозможность увидеть её в сто раз хуже, чем видеть её бездыханное тело, лежащее рядом с серыми детскими сандаличками. Но её нет в беседке!

– Куда ты делась? – кричу я. Но кому?

Я не там, где прежде. Не под фиолетовой крышей из гроздей глицинии. Я на каменистой тропе, ведущей к беседке, но так сильно заросшей травой, что и камни-то разглядеть невозможно. Я стою. Боюсь сдвинуться с места. И страх этот вызван ощущением ветра, ласкающего мою кожу своим прохладным прикосновением. Я помню про открытое старухой окно в моей

комнате, хоть и не знаю, как у неё это получилось. А может, страшно мне потому, что, несмотря на ветер, всё вокруг неподвижно, словно что-то где-то задохнулось и зачало. Лишь ровный отдалённый набат раздаётся в тишине откуда из-за леса, и я тут же вспоминаю о церквушке с перекошенным колоколом, который никогда не звонил. Неподвижная высокая трава, подсохшие цветы и сумрак, окутывающий моё непривычно взрослое тело. «Что происходит?» – думаю я, и, кажется, меня кто-то слышит, потому что вдруг замечаю движение в беседке. Чей-то невысокий силуэт, скрывающийся в тени, что отбрасывает крыша.

– Кто здесь? – спрашиваю, но ответа не слышу. Лишь треск отрывающихся стеблей, отдающийся эхом, словно я и тот, кто внутри той беседки, оказались под куполом. Взаперти.

Движения даются тяжело. Тело словно не принадлежит мне, и я несколько раз спотыкаюсь о торчащие из земли камни. «Может, кто-то поковырял их из земли?» – думаю я, пытаясь отвлечься от замершей в полумраке фигуры. Замечаю, что начала теревить края куртки. Какой ещё куртки? Не важно. Важно то, что это не к добру. Так я делаю только тогда, когда нервничаю. Но где же мама? Не перестаю задаваться вопросом даже когда, наконец, вижу пустые серые доски, на которых когда-то покоилось её тело. Приземистая фигурка протягивает руку к цветам и тянет кисть, похожую на гроздь винограда, к себе, в момент, когда мне удастся выбраться на деревянный настил.

– Их есть нельзя, – зачем-то информирую я незнакомца, отчего он оборачивается. Лучше бы он этого не делал. Из груди вырывается произвольный стон при виде мальчика, повернувшегося ко мне. Со стучащим в груди сердцем наблюдаю, как мальчонка засовывает подсохшие цветочки себе в рот и жуёт, медленно, задумчиво шевеля челюстью. И всё бы ничего, да вот только полупережёванные лепесточки глицинии вываливаются из его рваной протухшей щеки. Внезапно он наклоняет голову вбок и смотрит на меня, как будто только сейчас заметив моё присутствие. Сверлит меня пронзительным взглядом единственного покрытия серой плёнкой глаза. Второй отсутствует вовсе. Я вижу на его месте чёрное отверстие, извергающее из себя какую-то нелюбезную жижу, стекающую по мёртвому лицу. То мёртвое лицо перепачкано грязью и не выражает никаких эмоций. Тупой, ничего не видящий взгляд. Оно сплошь покрыто синяками, ровно, как и шея и грудь малыша. Я вижу это, потому что изорванная рубашка, та, что надета на нём, растёгнута почти до пупка, а из груди торчит огромный кусок сильно заострённого металла.

Ловлю себя на мысли, что хочу спросить, не больно ли ему, и тут же одёргиваю себя, потому что взгляд улавливает движение его левой руки, не той, которой он так усердно срывал цветы и запихивал себе в рот. Другой, на которой кисть держится на куске пружинящей плоти, раскачивается из стороны в сторону, ударяясь о ногу искалеченного малыша.

– Почему ты здесь? – наконец выдавливаю я из себя, хоть и понимаю, что он вряд ли ответит, ведь мертвяки не могут разговаривать. Но он отвечает. Оборачивается и обходит игрушку, лежащую на полу. Грязного старого плюшевого кролика, совершенно не пригодного для игр. Парнишка прицеливается, а затем пинает его ногой, той, на которой нет ботинка, один лишь жёлтый полуслезший дырявый носок.

Он совсем ребёнок. Школьник, судя по всему. И по возрасту, и по одежде. Вот только он погиб давно. Ну да, как и моя мама. Что же тут удивительного, что он явился мне? Ещё одна заблудшая душа.

Эта игрушка мне чем-то знакома, но я не осмелюсь сказать почему. Наклоняюсь с искренним намерением поднять её с пола, (вернуть мальчишке? Забрать с собой? Нахера мне вообще это надо было?) и не могу, потому что рука проходит сквозь неё. Чёрные глазки-буравчики смотрят на меня уныло, будто спрашивают: «Что? И ты не смогла? Да как же так-то?»

– Что не так с этим зайцем? – спрашиваю я, разгибаясь, а затем боковым зрением улавливаю стремительное движение ребёнка по направлению ко мне. Ощущение, будто кто-то ускорило воспроизведение (моего сна? Где я вообще? Сон это или реальность?). Вместо шагов пар-

нишки почему-то слышу скрежет сотен, а может, и тысяч жучков, ползущих по деревянным доскам. Такой громкий, такой мерзкий, что хочется зажать уши. «Они в моей голове?!» – думаю как раз перед тем, как больно падаю на пол, счёрсывая в кровь локти. Отмечаю, что боль вполне реальная, одновременно слушаю ритмичные гулкие удары надрывающегося сердца. А после поворачиваю голову и забываю обо всём, потому как фактически втыкаюсь носом в разорванную плоть его гниющей щеки. Трупное зловоние разлагающегося тела. Движение его зубов и скользкое прикосновение цветочков, сдобренных слюной или, может быть, чем-то ещё. Мошки, медленно копошащиеся в уголке его невидящего (может, он не такой и невидящий) глаза.

«Его сейчас вырвет», – поражаясь спокойствию собственной мысли, думаю, глядя на его раздутые щёки, но в следующее мгновение одним сильным плевком, на которые, я уверена, не способны покойники, он выплёвывает мне в лицо содержимое своего рта, покрывая меня вязкой жгучей жижей. Эта приторно-зловонная смесь стекает по моему лицу, перекрывает воздух к носу, и потому я приоткрываю рот, хоть и жутко боюсь, что хоть одна частичка той гадости попадёт внутрь.

– Теперь видишь? – слышу я хриплый булькающий голос, совсем не похожий на голос ребёнка.

– Зачем ты, мать твою, это сделал?

Его равнодушный вопрос заставляет меня взбесится. Я вскакиваю на ноги, попутно смахивая пальцами слизь, что облепила лицо. И тут же понимаю, что теперь мы не одни. Что он сделал? Зачем всё это и кто эти люди? Оглядываясь, я насчитываю восьмерых, и вид их не внушает спокойствия. Три женщины, четверо мужчин и одна девочка-подросток.

Ощущение, что я попала в какое-то шоу, без приглашения, по принуждению, где мне предоставлена возможность лицезреть людей со всеми их ярко выраженными психическими расстройствами.

Смотрю на улыбающегося мне беззубым ртом лысого мужчину, одетого в серую, туго заправленную в брюки рубашку. Он как будто хочет, чтобы ему было тесно. Об этом говорят и его старомодные лупообразные очки, дужки которых впиваются в лицо, а глаза делают поистине огромными и сумасшедшими. И галстук-бабочка, что передавливает его отёкшую шею. Вот это сдавление – намеренный ли его выбор? Или он просто не в курсе, что все, что на нем надето, мало ему? Во время раздумий о его внешности изо рта мужика начинает течь слюна. Капли стекают по подбородку и оставляют тёмные пятнышки на серой рубашке. А затем он закатывает глаза, впадая в транс, и начинает тереть свои ладони, будто испытывая страшный зуд. А когда руки его покрываются кровью, я уже точно знаю, что он не отдаёт отчёта ни своему выбору в одежде, ни своим действиям.

Отвожу от него взгляд и рассматриваю теперь вполне себе нормального на первый взгляд паренька. Высокий, молодой, может, только на пару лет старше меня. Довольно шуплый, но не худощавый. Скорее, похож на гончую, из тех, кого ноги кормят, чем на дохляка, обделённого здоровьем. Он смотрит на меня рыскающим взглядом, но, судя по всему, не видит. Темноволосый пацан явно не заинтересован, как здесь оказался. Сразу видно, что гложет его что-то другое. Куда более личное и глубокое, чем может показаться на первый взгляд. Стоит, опираясь на переднюю ногу, и яростно раскачивается взад-вперёд, как при синдроме навязчивых движений, из тех, что человек контролировать не может. Размышляя, грызёт передними зубами дымящуюся сигарету, тонкую, длинную, и то и дело откусывает кусочек за кусочком от фильтра, частички которого сплёвывает себе под ноги.

По соседству с ним вижу седобородого старика, похожего на профессора. На нём пиджак, немного великоватый, но вполне приличный, а из кармана рубашки торчит небрежно сунутый кем-то розовый платок. Дед крутится на одном и том же месте, словно его заело в автоматическом инвалидном кресле. На пледе, укрывающем его иссохшие ноги, лежит жёлтая резиновая

уточка, из тех, какими играют в ванной комнате малыши. Но сколь бы меня ни раздражало его вращающееся кресло, почему-то не возникает желания подойти и остановить его, даже если бы я и могла это сделать. Похоже, это единственное, что отвлекает его мозг от печальных мыслей. «Пусть себе крутится», – думаю я и переключаюсь на женщину, облачённую в розовую балетную пачку.

Взгляд её блуждает, как у многих из них, словно во тьме. Но конкретно с ней дело тут не только в этом. Монголоидные черты лица говорят о серьёзном недуге, называемом синдромом Дауна, коим и страдает эта любящая весь мир особа. Она похожа на огромного розового слона. Рыхлая и пухлая балерина, выполняющая всевозможные балетные па, на которые тело её не способно. Отыграв короткую программу, с потом, стекающим прямо в глаза и приоткрытый рот, женщина, которой никак ни меньше сорока, кланяется зрителям, разводя руки в стороны и раздавая своим почитателям поклоны, от которых её балетная пачка взмывает вверх, открывая всеобщему обозрению жирный, покрытый целлюлитом зад. Жалкое зрелище, но, конечно, не для человека, привыкшего жить иллюзией.

Рядом с ней наклонившись, словно вторя её движениям, стоит мужчина, схватившийся за голову руками так, словно искренне желает проломить себе череп. На руках его перчатки, толстые и грубые, плотно обжимающие руки. Глаза зажмурены, и я точно не могу сказать, в чём причина его покрасневшего лица. То ли в давлении, которое он испытывает, то ли в алкоголизме, которым явно страдает. Понятия не имею, откуда мне это известно, но я знаю. Как знаю и то, что он доктор. И дело тут даже не в белоснежном костюме, которые носят только медицинские работники, и не в стакане, который торчит из кармана его белоснежных брюк. Просто знаю и всё. Мне так же известно, что он страдает от видений. Постоянных, жестоких, непрекращающихся.

На девочку-подростка, сидящую на коленках, больно смотреть. Мне откровенно не хочется знать, что послужило причиной нанесения всех этих застаревших ран на её теле, ныне превратившихся в белёсые шрамы. Их многообразие рассмотреть несложно, так как на девчонке лишь майка да старые растянутые шорты. Выглядит она невероятно уставшей. Кажется, кинь в неё камешком, и она свалится как подкошенная. Тусклые волосы, которые она, похоже, давно уже не расчесывала, стянуты резинкой в невысокий хвост. Темные полукружия под глазами и худоба, которую не скроешь ничем. Но не это беспокоит меня, а то, как она, подставив руку к лицу, тербит вставленные под кожу ржавые булавки, передвигая их туда-сюда под своей истощённой плотью.

Из оставшихся двух старушек, так сильно не похожих друг на друга, одна из них напоминает ту старую даму, которая выбросила ожерелье за борт катера в фильме «Титаник». Сходство на редкость сильное, если бы не отсутствующий взгляд её серых глаз. Седые волнистые волосы распущены и спускаются чуть ниже плеч. На ней отделанная рюшами белоснежная сорочка, уходящая в пол, а поверх неё накинут халат, такой же белоснежный, как и вся она. Я вижу, как она дрожит всем телом, превозмогая холод и, протягивает ко мне поражённые артритом пальцы, вымазанные чем-то похожим на пластилин или глину. Цвета настолько яркие и красочные, что слепят мне глаза. «Может, она художница?» – думаю я.

Чёрное одеяние, укрывающее скрюченную пополам женщину с головы до пят, не даёт возможности определить её точный возраст. Плечи её сильно опущены к земле, будто под грузом водружённого кем-то на её спину мешка с песком или, может быть, землёй. О её преклонном возрасте говорят лишь крючковатые старые пальцы, скорее похожие на корни какого-то древнего дерева, чем на чью-либо плоть. Ими она и опирается, сложив их друг на друга, на самодельную тёмную трость. Кажется, я уже видела её где-то прежде. Может, и призадумалась бы об этом посерьезнее, да вот только меня отвлекает её вращающийся выпуклый глаз. Единственный, который виден мне через дырявую спущенную на лицо вуаль, прицепленную к шляпке причудливой формы.

– Кто все эти люди? – спрашиваю я у мальчугана, пристально наблюдающего за мной, потому как не узнаю ни одного из них. Но мальчик, от вида которого у меня сводит зубы, то ли не способен воспринимать мою речь, то ли намеренно игнорирует её. Вместо этого переводит взгляд на игрушечного кролика, лежащего чуть невдалеке, и начинает напевать:

– Свет луны окрасил зеркало пруда.

Два утёнка не спят, значит, будет беда.

Маленькие лапки к водной глади спешат.

Два глупых утёнка спать не хотят.

У меня холодеют пальцы. Это уже не просто страх за свою жизнь или из-за странного исчезновения матери. Этот стишок знаком мне. Он из моего далёкого детства. Детства, которое стёрлось из памяти подобно плохому воспоминанию.

– Где ты слышал этот стишок? Кто рассказал тебе?

– Одна милая женщина приходит ко мне иногда, когда страшно. Приходит, когда рядом кролик и она. Мне кажется, она пытается меня успокоить. Мне нравятся утятки, о которых она рассказывает. Жаль только, что всё плохо заканчивается.

– Плохо? – Я в недоумении. Не припомню и самого стишка, но точно знаю, что концовка не могла быть плохой. Сердцем чувствую. Не может быть такого. – Почему плохо?

– Ты сама всё узнаешь, – отвечает мне мальчик, хихикая. Смеётся надо мной?

– Тогда расскажи мне, как выглядит та женщина, что рассказывала тебе стишок, мне это очень...

– Я же говорила тебе не прикасаться к этим проклятым цветам! Ты непослушная девочка! – вдруг истошно кричит мальчик, грозно болтая передо мной своей почти оторванной кистью. – Глупая... Глупая, неразумная девочка!

Я замираю, но не только от того, что пацан кричит голосом моей покойной матери, но и от того, что мне вдруг становится трудно дышать. Щёки раздуваются, как у хомяка, набившего рот орехами, но во рту моём вовсе не орехи. Он по самое горло забит фиолетовыми цветочками глицинии. Схватившись за горло, падаю на колени, пытаюсь выплюнуть их, но у меня ничего не получается. А затем вдруг раздаётся едва различимый перезвон колокольчиков, тех, что валяются на веранде моей тётки.

– Ты что-то увидела? Я права?

Я разжала руку и увидела, как катится по столу её бокал с белым вином. То вино – кислое, перепревшее – залило мне джинсы. Обе мы смотрели, как бокал, падая, скатывается на мои ноги, а затем на дощатый прогретый солнцем пол. Внутренне я вся съежилась, ожидая звонкого звука бьющегося стекла, но бокал не разбился. Укатился под стол и замер в ворохе искромсанных стеблей. Я оглядела расплзавшееся тёмное пятно на светло-голубых джинсах. Вдохнула резкий кислый запах вина и сказала:

– Всё лучше, чем запах этих грёбанных цветов.

– Каких цветов? – спросила тётка.

По-моему, вопрос абсолютно не уместен, если учесть, что почти вся веранда завалена истерзанными ею лилиями. Но мне почему-то показалось, что тёте доподлинно известно: не об этих цветах речь. Она подошла ко мне и положила руку на плечо, словно всё понимает. Словно старается поддержать меня, но мне нафиг это не нужно.

– Не бери в голову, – резко ответила я и встала с кресла, на этот раз точно не собираясь возвращаться. Что бы ни случилось. – Давай. Что ты там принесла? У меня сегодня ещё куча дел.

С минуту тётя смотрела на меня изучающе. «Ты что-то видела, – говорят её глаза. – Видела, но я не стану расспрашивать тебя что». Затем она начала протягивать ко мне руку с чем-то зажатым в большом мягком кулаке, но что-то остановило её на полпути. Возможно, капли крови на моей белой, подранной на локтях тунике. Капли, которых не должно быть

в реальности. И в следующее мгновение она вернула в карман красного балахона то, зачем ходила в дом.

– Будь осторожна девочка, – сказала, и я понимаю, что она со мной прощается. Но зачем? Что-то подсказывало, что причиной тому послужило моё видение, смысла которого я так и не поняла.

– Задолбали. Обе, – сказала я и, отворачиваясь от неё, начала спускаться по ступенькам. Не стоило сюда приходить.

Она так и осталась безмолвно стоять на веранде. Но я не могла уйти, так и не спросив её ещё об одном:

– А цветы-то ты зачем всё-таки искромсала? – Я кинула взгляд на черное пятно пустыющей земли.

– Сказала же. Она скоро умрёт – ответила Офелия так, словно это объясняло вообще всё.

Глава 2. Смерть старухи. Пророчество о кулинарной книге

Я бодро шагала по тропе, шедшей за домами. По пустырям, заросшим высокой травой, в обход главной улицы. Шла, словно пряталась от кого-то и видела перед глазами дуб, посаженный в нашем дворе задолго до моего появления на свет. Его могучий высохший ствол, который покинула жизнь. Раскидистые костлявые ветви, на которых никогда не зеленели листья, за исключением единственной ветви, которая год за годом, преодолевая силы природы, словно пронизанная каким-то незримым волшебством, росла и тянулась к входной двери лачуги, стремясь запечатать её раз и навсегда. Я видела себя юной девчушкой, раскачивающейся на огромной крышке, привязанной к той толстой ветви с шелестящей листвой, и старуху, год за годом выбегающую наперевес с топором, что отрубала её стремящийся к дому отросток.

Видела деревянный чан с мутной водой, в котором бабка купала меня в детстве. Всегда холодной, насколько бы сильно ни согревало её солнце. Часто мне казалось, что я бывала чище до того, как была подвергнута этому зверскому омовению, так как воду в нём она меняла редко. А когда меняла, то вытаскивала затычку, расположенную снизу чана, и вода, похожая на склизкую жижу, вытекала, размывая канаву к тому старому дубу. Я качалась на колесе и зачарованно наблюдала за струей, которая, возможно, и погубила дуб. А за моей спиной возвышался грубо сколоченный амбар, в котором мы когда-то держали кроликов. Я и сейчас чувствовала стойкий запах крови всякий раз, когда проходила по дорожке к дому. Слышала крики крольчат, так сильно похожие на детский плач. Их мёртвые тушки были единственным нашим доходом, если не считать плетения корявых корзин, которые никогда не пользовались популярностью на здешнем рынке, и огромного количества самогонки, покоящейся без надобности в тёмном подвале. Ведь она так и не научилась сбывать ее.

Я шагала по возможности быстро, настолько, насколько позволяла искалеченная нога. Вспоминала все те ужасы, что довелось пережить, и не могла вспомнить ничего конкретного. Мне хотелось подвести итог ещё до того, как я приближусь к неродному дому на достаточное расстояние. Хотелось подвести черту страданиям, но перед глазами, думая о скорой смерти старухи, я неизменно видела лишь тот дуб, тот чан и тот амбар. И кукурузное поле на заднем дворе, в котором я никогда не играла, потому как оно буквально кишело змеями.

«Хоть бы предсказание тётки оказалось правдой», – повторяла я про себя, опуская щеколду на калитке. Машинально задержала дыхание, минуя двор, как делала это в детские годы, и почти сразу услышала мяукавшего под дверью кота.

– Чего разорался? – спросила я и резко распахнула дверь. Кот сидел на пороге. Увидев меня, он отпрыгнул в сторону и оцетинился, выгнувшись дугой, словно я была для него угрозой.

– Так это правда? – спросила я его. – Она умерла?

Кот, естественно, мне ничего не ответил, а я принюхалась и заметила едва уловимый запах запеченного мяса и грибов.

Поверить в то, что старуха была способна приготовить хоть что-то съестное, было просто невозможно. Проще верить, что Тихий океан высох, чем в то, что старушенция знала, где лежат продукты или стоят кастрюли. Но, бросив беглый взгляд на кухню, я тут же убедилась в своих предположениях. Грязная посуда громоздилась в мойке. Дверца духовки приоткрыта, и в ней до сих пор горит огонь. Весь стол завален очистками, что валялись в луже крови, вытекшей из куска мяса, которое она размораживала перед приготовлением.

– Как такое возможно? – спросила я скорее сама себя, чем кого-либо, вдыхая исчезающие запахи лука и запеченного теста. Снова вспомнила, буквально против своей воли, как когда-то в детстве отказывалась от бабулиной стряпни, так как всегда думала, что старуха что-то подсыпала в неё. Нечто порошкообразное и хрустящее на зубах, тошнотворно пахнущее.

– Ты знала, что она умеет готовить? Отвечай мне, Ута. Ты знала?! – спросила я мать, но услышала лишь жалобно мяукнувшего кота. – Пошёл нахер отсюда. Чего расселся посреди дороги? Ты же знаешь, мама, как много я голодала. Как часто отказывалась от тех похлёбок, что подсовывала мне старуха. Они пахли травами! Свиньи питаются лучше, чем питалась я. Разве не правда?! Что же ты молчишь? Как так случилось, что я пришла увидеть смерть, а она не то что не умирает. Она готовит!

Ответом была тишина.

«Не накручивай себя. Не вздумай заплакать, глупая дура. Ты ведь знаешь, что никуда она не вышла. Да, она что-то там приготовила, но что с того? Ведь она вовсе не шастает по лесам, как обычно. Ты знаешь, что она в доме. Лежит и не произносит ни звука. Слушает тебя. Ждёт тебя».

Как же часто я представляла день её смерти. Желала увидеть её заблёванный бездыханный труп. Почти окоченевший, утративший былую гибкость. Старуха и сама не раз говорила о скором своём уходе, но, о боже, как же я ждала этого дня!

В своих мыслях, погружённых в темноту укрытой ночью комнаты, я находила её, скрюченную на постели, в тщетных попытках сползти и позвать на помощь, с раззявленным в беззвучном крике ртом. Вонючую, холодную, в луже собственных экскрементов. Тихая, ничем не примечательная смерть. Один из нелюбимых моих вариантов.

Были и другие. Более изошрённые, в которых я представляла, как она падает с лестницы, ведущей на чердак, куда старуха ползала систематически, совершая какой-то ей одной известный ритуал. Я никогда не спрашивала, что находится на чердаке. Откровенно говоря, мне было плевать, чем заняты её гнусные мысли, но часто думала, как выхожу из сарая с пилой и подпиливаю самую верхнюю ступеньку. Я практически слышала, как старуха громко охает от изумления и ужаса неминуемой боли от падения. Хватается за сердце, сжимая свою грузную обвисшую грудь, хлопает выпученными от страха глазами и кубарем катится вниз, сверкая грязными панталонами. Слышу хруст её дробящихся костей, и он похож на музыку, ласкающую мой слух. Хочу, чтобы она страдала так же сильно, как страдала когда-то я. Чтобы корчилась от боли. Чтобы старые хрупкие кости прорвали её жестокую плоть и торчали наружу, как свидетельство испытываемых мук. Хочу слышать тихие всхлипывания, когда она сообразит, что внучка не станет помогать. Будет смотреть и наслаждаться сумасшедшим взглядом, умоляющим о пощаде.

А может, смерть настигнет её вне стен дома? И тогда она просто не вернётся с одной из своих продолжительных ночных прогулок, перенеся инфаркт или что-нибудь в этом роде. Было бы неплохо, если бы мне не пришлось прикладывать руку к её безвременной утрате. Размышляя над этим вариантом, я думала, что выжду достаточно долго, а затем отправлюсь на поиски её полусъеденного зверями тела. Фантазировала, как найду её лежащей в овраге за лесом со сломанной шеей и обглоданной волками черепушкой. В том самом овраге, что местные жители облюбовали под сброс отходов. К её телу, припорошенному землёй, с отвратительными рваными ранами даже не притронусь. Не произнесу прощальных слов и не всплакну перед уходом. А потом подожгу дом и забуду отрезок своей жизни, что я называла детством, навсегда.

Я спокойно могла бы замуровать её в комнате, как в одном из рассказов Эдгара Алана По. Не совсем так же, конечно, но вполне могла бы забить дверь и окно в её спальню гвоздями, усестись рядом и слушать, как она проснётся от ритмичного стука молотка и попытается вырваться наружу. Как оторвёт себе ногти, царапая дверь. Сколько дней она бы выдержала без еды, без воды? Как скоро осознала бы, что я слушаю её вопли, прислонившись спиной к двери?

Наконец я успокоилась. Поднялась с пола, опираясь руками о рамки с заключёнными под стекло тушками приколотых булавками бабочек. Одна из тех рамок слетела с вбитого в стену гвоздика и разбилась с громким звоном. Я наконец-то освободила её. «Летите. Теперь

у вас нет хозяйки», – произнесла, рассматривая высохшие трупки бабочек. Никогда не понимала этого её увлечения. Что за радость окружить свою жизнь смертью? Представлять, как они летали когда-то, порхая крылышками. Рассматривать их яркий окрас, который не поразит уже своей красотой никого, кроме глаз свихнувшейся старухи, что потратила все свои сбережения на одно только мёртвое тельце, заключённое под стекло.

Лепидоптерофелист – называла она себя по-научному. Возможно, даже гордилась, как величественно это слово звучит. По мне, так лучше бы собирала бы марки. Махаон, Мёртвая голова, Адмирал, Павлиний глаз. Чёрт, да они даже называются страшно.

Наступив ногой на одну из них, я как могла растёрла её ботинком о пол и направилась к комнате своей опекуниши, но тут же вскрикнула от боли зацепившись за торчавший из стены гвоздь.

– Чёрт! Хватит! Оставь меня в покое, – крикнула что было сил. Сколько себя помню, постоянно обо что-то билась, резалась или зацеплялась. Дом как будто не принимал моего присутствия или, возможно, наоборот, подпитывался моей болью, моей кровью. Там, где я спала, постоянно гнили половые доски, не раз грозившие мне переломом ног. С гулким щелчком лопались стёкла, как бывает при усадке дома. Возможно, так оно и было, несмотря на то, что дому этому уже больше ста лет. При каких-то поломках старуха просто безмолвно вызывала мастеров, запирая меня в соседней комнате. Но однажды мне удалось услышать разговор кого-то из рабочих. Он сказал, не скрывая своего удивления, что никогда такого прежде не встречал. Доски, что служили полом в моей спальне, как будто кто-то поедал, но он так и не сумел найти причину. А ещё сказал, что когда они вскрыли деревянный настил, то обнаружили толстый корень дуба, того самого, что растёт во дворе. Мужчина взволнованно сообщил, что корень тот полностью сгнил и именно от него исходит зловоние. Сказал, что его необходимо убрать оттуда и он выполнит эту работу, но для этого нужна дополнительная плата. Помню, как старуха ответила ему:

– Вам бы только побольше заработать! Наживаетесь на несчастье других как можете. Идите прочь и не лезьте туда, куда не надо. Воняет ему. Да пусть воняет, там всё равно никто не живёт.

Я заплакала тогда, превозмогая желание закричать, забарабанить в дверь. Сказать: «А как же я? Я живу там! Я вдыхаю пары той гнили». Но сдержалась, ведь так велела мама. «Потерпи немного, – сказала мне она. – Придёт день, и ты покинешь этот дом». С тех пор прошло немало лет.

Я ненавидела этот дом, а он всегда ненавидел меня.

Нет. Старуха не была мертва. Не лежала на кровати в куче собственного дерьма с разъявленным ртом, но бледность кожи и частое удушливое дыхание сказали мне, что конец её близок.

– Долго же ты собиралась с мыслями. Я слышала тебя, и нет, я ещё не сдохла и не сдохну до тех пор, пока ты не выслушаешь меня, – прошипела старуха настолько громко, насколько смогла, и улыбнулась, обнажив ряд кривых зубов. Хотя вряд ли это можно было назвать улыбкой, скорее, оскал животного, который уже осознал, что смерть его близка.

Погружённая в полумрак из-за занавешенного окна, её комната как будто стала меньше. Исчезли тени и солнечные блики, играющие с рамками бабочек, что висели на стенах, неустанно присматривая за старухой. Полумрак скрыл и грязь на полу, и слой пыли, местами потревоженный грубыми пальцами старухи.

Отвернув от её морщинистого, злобного лица взгляд, я увидела тарелку, стоявшую на столике у кровати, и крошки на ней, единственное, что осталось от приготовленного ею блюда. Две жирные мухи медленно ползали по той тарелке, никуда не торопясь.

– Что, сожрала всё в одну харю? – огрызнулась я, хотя, предложи она мне кусочек, всё равно бы отказалась.

– Не тронь моих бабочек, – попросила она, скривив рот в гримасе. – Я готовила это блюдо не для тебя.

– Ничуть не сомневалась в этом. И, смею заметить, уже тронула твоих бабочек. Ты ведь слышала всё сама.

– Сука.

Я решительно двинулась к кровати и расправила завернувшееся под старуху одеяло. Сама не знаю, зачем это сделала, ведь старая карга почти потеряла зрение, ровно так же, как и остатки своего разума и, возможно, даже не заметила ничего. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Кот прокрался мимо меня, запрыгнул на кровать старухи, словно пытаясь защитить хозяйку, и, довольный, вытянулся вдоль её жилистой руки.

– Как думаешь, долго тебе осталось?

Я не могла понять, смотрит она на меня или куда-то за меня. Возможно, в тот тёмный угол, где прежде стояла вешалка с её вонючей одеждой, а сейчас куда-то запропастилась. Мной вдруг овладело непреодолимое желание пойти и отыскать ту вешалку, но в момент, когда собралась отойти, бабка вдруг в голос расхохоталась, отчего у меня по коже пробежала дрожь.

– Ты думаешь, это конец? Нет, детка, смерть – это только начало. Он придёт за тобой. Проведёт тебя за собой, хочешь ты этого или нет. Ты нужна ему.

– Всё, я звоню тётке Офелии. Пускай она сама разбирается с тобой.

– Она не спасёт тебя, – сказала старуха, но кашель стёр улыбку с её злобного лица.

– Однажды уже помогла. Не знаю, что случилось бы со мной, если бы не тётя. – Признаться, я сама не верила, что сказала подобное.

– Ты просто наивная дура. Вот кто ты. Она не о тебе заботилась. Если бы заботилась, приходила бы чаще. Если бы заботилась, пришла бы до того, как нога твоя начала гноится.

Я не хотела слушать и потому потянулась к мобильнику, лежавшему в заднем кармане джинсов. Набрала номер той, которую считала тётей, но ещё до того, как услышала голос оператора, оповещавший, что абонент временно недоступен, увидела её сидящей всё на той же веранде с телефоном, зажатым в руке. Бутылка белого Шардоне, разбившаяся вдребезги, валяется у входной двери, над которой не висят теперь колокольчики. Её ладони кровоточат, изрезанные секатором, а на качели, окружая её, словно мягкое облако, лежат горой искромсанные лилии, которые под конец она резала как попало. Белые цветы, окропленные каплями крови. Увидела, как она посмотрела мне в глаза, заглянув как будто прямо в душу, отчего сердце сжалось в груди, ибо этот пустой взгляд затронул те места, что пропитаны болью и воспоминаниями, о которых я уже давно забыла. В тех воспоминаниях я услышала громогласный рёв старухи: «Нет! Прости меня, Артур! Я не хотела наносить ей увечья. Не хотела. То была не я, мальчик мой».

И по сей день мне неизвестно, кто такой Артур и почему старуха умоляла о прощении его, а не меня, истекающую кровью в той самой канаве, которую словно для меня размыла мутная вода. Тогда вода смешалась с кровью, а я навсегда забыла о тщетных попытках сбежать из дома.

Я ударила себя по щеке, стараясь заглушить грохотавшие в голове вопли старухи, пришедшие ко мне из тех далёких детских лет.

Она выключила телефон всего за секунду до моего звонка, зная, что я стану звонить. Как она могла? Зачем ты сделала это, тётя? Зачем вновь бросаешь меня, когда мне так необходима твоя помощь?

– Что, опять мучают голоса?

– Пошла нахер! Ясно? Я не собираюсь здесь с тобой возиться. Поняла? Мне осточертело твоё присутствие. Сдохни уже, наконец, и оставь меня в покое. Надеюсь, ты добавила в еду достаточно отрав, иначе смерть твоя будет очень долгой и мучительной.

– Никогда бы не подумала, что тебя волнуют мои мучения.

– Ты права. Не волнуют.

Я схватила миску с остатками еды и ползавшими по ней мухами и что было сил швырнула её в стену. Сама не знаю, что за импульс побудил сделать это, но мне заметно полегчало. Более я не собиралась оставаться в комнате. Даже не бросив на умирающую старуху взгляд, которая так и не смогла заменить мне мать, резко развернулась и направилась к выходу, но старушечка схватила меня за запястье, крепко сжав его скрюченными артритом пальцами. Её хватка оказалась настолько сильной, что я почти стянула её с кровати вместе с простынями и грязным, пропитанным старческим потом одеялом.

– Я ещё не всё сказала, – прохрипела она, словно готовящаяся к атаке змея.

– Пусти руку. Чтобы ты себе ни надумала, я не собираюсь смотреть, как ты дышаешь.

– Тогда зачем пришла?

Я промолчала, хоть и знала ответ.

– Светловолосый, перепачканный грязью мальчик с дырой там, где когда-то было сердце. Прямо здесь. – Она демонстративно приложила свободную руку к груди, не на шутку рискуя соскользнуть с кровати. – Где когда-то жила его детская душа. Знай, он не оставит тебя теперь. Ведь я уже буду мёртвой. Столько лет прошло, а он всё так же плачет. Я не смогла его спасти, но они заплатят. Все они.

– Что за фигню ты несёшь? Что ещё за мальчик?

– О! Ты видела его и отлично знаешь, о ком я говорю. Об Артуре, конечно.

– Так это он Артур? Тот изувеченный мальчик на веранде? Но кто он?

– Скоро ты всё узнаешь сама. – Она пристально посмотрела мне в глаза, словно пытается загипнотизировать. К своему удивлению, я и впрямь ощутила внутри какую-то лёгкость. – Ты сделаешь всё так, как я скажу. Слушай мой голос и смотри на огонь. – Я увидела огоньки в её глазах. Пламя костра, горящего где-то далеко-далеко. – Ты поднимешься на чердак и найдёшь картонную коробку под окном. Коробку, на крышке которой чёрным маркером написано «книги». Та коробка... нужно лишь передвинуть те, что стоят сверху, и ты сама всё увидишь. Она под ними. Спрятана. Я опасалась, что Офелия попытается разыскать её, но... она всего лишь трусливая дрянь.

Запомни. Ты не должна бояться ни мальчишку, ни ту книгу. А я знаю, ты захочешь испугаться, но у тебя ничего не выйдет. Сколько бы ты ни пыталась, судьбу не изменить. Внутри той коробки ты отыщешь большую коричневую книгу в кожаном потёртом переплёте. Ты должна открыть ту книгу, поняла?

– Да, – ответила, сама себе не веря.

– На её страницах найдёшь рецепты. Я все их когда-то готовила. Проверяла, изменяла, улучшала. Они моё детище. Мой многолетний труд. Но есть среди них такие, которые я готовила всего раз в жизни. Готовила не для удовольствия, а... В общем, они-то тебе и нужны. Те, на которых стоит пометка «не готовить». Под каждым из этих рецептов ты найдёшь имя. Но они для тебя не важны. Когда откроешь книгу, ты уже ничего не сможешь изменить. Главное, прочти приписки, внизу каждого из них и строго следуй инструкциям. Вы должны готовить вместе, вкладывая в приготовление душу и всю свою неистраченную энергию, так же, как это когда-то сделала я. Найдите тех людей. Отомстите им.

– Предупреждаю в последний раз: отпусти мою руку, тупая старуха. Не засирай мне голову всякой фигнёй. – Неужели она и впрямь рассчитывала, что я выполню все её бредовые указания беспрекословно? Тупая дура.

Она разжала пальцы, освободив руку, и начала задыхаться. Я не стала поправлять её тело на кровати. Просто вышла за дверь, захлопнув её за собой с такой силой, что рамочки на стене зазвенели от удара.

– Ошибки чреватые последствиями, – крикнула она мне вслед и продолжала говорить что-то ещё, но я её уже не слышала.

Устроившись в прихожей на старом, обшитом велюровой тканью кресле, которым никто и никогда не пользовался, кроме кота, пожелавшего остаться до конца со своей хозяйкой, я стала ждать. Запястье ныло от цепкой хватки, и на нём уже начали проступать синяки.

«Сумасшедшая дрянь, а не старуха. Ты должна была сдохнуть много лет назад. В день, когда потеряла свою дочь. Сдохнуть от разрыва сердца или страданий, неважно. Но ты этого не сделала. Даже ни разу не вспомнила о ней, словно и не было её никогда».

Не меньше получаса я слышала доносившееся из-за закрытой двери беспорядочное бормотание злобной бестии. «Может, она не заметила, что я покинула её? – предположила я. – Может, она до сих пор даёт мне свои предсмертные инструкции. Бабка то и дело то вскрикивала тревожно, подзывая к себе кого-то, то замолкала довольно надолго, и тогда я слышала лишь тихие всхлипывания. Был момент, когда мне даже показалось, что старуха молится, а затем за молитвами последовала тишина. Как я и предполагала, умирала она медленно, явно страдая от и боли, хоть я и не знала точно, был ли причиной тому яд, съеденный вместе с пирогом, или просто пришло её время.

Я не встала с кресла даже тогда, когда услышала забытый мною в её комнате мобильник. И не вставала ещё минут двадцать, слушая настойчивые попытки кого-то дозвониться до меня. Когда же я всё-таки набралась решимости зайти к старухе, не без удивления обнаружила, лежавшего рядом с её неподвижным телом мёртвого кота.

«Дурацкий кот. Он-то нафига помер?» – подумала я и ответила на звонок.

Глава 3. Появление мальчишки. Бабочки

Четыре дня прошло с тех пор, как не стало старухи. На скудных похоронах её не было ни души, если не считать двух коренастых полупьяных гробовщиков, что несли гроб к вырытой могиле. По дороге они уронили его. Я слышала треск досок при падении, как грохотало внутри её окоченевшее тело, но никак не отреагировала на это. Не возмутилась. Не заплакала, но и не засмеялась.

Запнувшийся за кочку мужчина с пылающими красными щеками в ужасе посмотрел на меня – на одиноко стоявшую на холмике девушку, застывшую в глубоких раздумьях.

– Плости... те. Я... не хотел, – попытался извиниться он заплетающимся языком.

Я ничего не ответила, лишь подумала: «Так тебе и надо тварь. Перевернуться в гробу – это как раз то, что ты заслужила, бабуля».

Второй, судя по виду, более трезвый гробовщик, грозно глянул на сжавшегося напарника и взглядом приказал вновь взяться за работу и донести усопшую до могилы. Справившись с поставленной задачей, они оба посмотрели на меня вопросительно, вроде как задавая вопрос: «Чё дальше-то?»

– Зарывайте! – перекрикнула я всё усиливающийся ветер, не имея больше сил лицезреть их пьяные рожи, и те, покорно схватившись за лопаты, спешно закидали старуху рыхлой землёй. В завершение столь неприятного действия я кинула на землю две красные гвоздики, что принесла больше для успокоения своей души, нежели чтобы почтить память женщины вырастившей меня.

Тётка на похоронах так и не появилась. Единственная оставшаяся в живых родственница бабули не соизволила проводить её в последний путь. Более того, даже не позвонила. Не могу знать, что остановило её – ветреная погода, разбушевавшаяся не на шутку, или какие-то домашние хлопоты. Но я уверена, что если бы она пришла, то понадобилась бы целая тележка, чтобы довезти все те цветы, что она заготовила для похорон. Возможно, она бы даже всплакнула, ведь в душе всегда была человеком добрым. Может, даже прочла бы одно из своих любимых стихотворений. Из тех, что читала когда-то мне, думая, что мне нравится поэзия. А может, и не стих то был бы, а отрывок из библии. На самом деле мне было всё равно.

Ничего не изменилось после смерти старухи, если не считать самого дома, который как будто затих, успокоился и растерял все звуки. Я поймала себя на мысли, что всякий раз, проходя мимо кресла, обтянутого велюром, ожидаю увидеть в нем дремлющего, никого не трогающего кота. В конце концов я вытащила из бездонного шкафа бабки два ветхих чемодана с заржавевшими защёлками и водрузила их один поверх другого. На то самое кресло, чтобы больше не думать ни о коте, ни о старухе. Раскрыв верхний, принялась скидывать в него всё, что мне могло пригодиться в следующей моей «новой» жизни. А ещё решила, что, как только перееду, заведу себе собаку. Маленькую, радостную и живую, как та, что из фильма «Маска» с Джимом Керри. Не помню названия породы, но, думаю, она сумеет расшевелить меня.

– Нет. Я не останусь здесь. Ни за что. И не уговаривай меня, – крикнула я пустому дому, хоть и не слышала никаких уговоров.

Впервые за долгое время она просто молчала, стоя где-то за спиной. Мама. Я знала, что она здесь. Весь день чувствовала её незримое присутствие, но та тишина, в которой я оказалась под её пристальным взглядом, сейчас угнетала куда сильнее, чем любые её попытки упрямости не покидать стен ненавистной мне обители, в которой господствовали одни лишь тараканы да жуки.

– Я сдержала слово. Ты просила меня остаться здесь до её смерти. Она мертва! Так чего же ты хочешь?! – Я металась по дому словно умалишённая, собирая вещи, которые мне были не нужны. – Больше я не останусь тут ни на минуту, и даже ты меня не остановишь.

Ведь ты плод моего воображения и ничего больше. Фантазия, созданная маленькой покинутой девочкой, чтобы не сойти с ума. Тебя нет. Может, и не было никогда. Может, все мои воспоминания о тебе – ложь!

В прихожей лопнуло зеркало. Я оглянулась на этот тонкий, почти неслышимый звук, и увидела своё безликое отражение, разделённое кривой трещиной пополам.

Девушку, что не оделась с утра как полагается. На тощей, слегка перекошенной вправо из-за хромоты фигурке болтался старый замызганный халат, застёгнутый как попало. Тёмные круги под глазами свидетельствовали о недосыпе. Они говорили о стрессе и душевных терзаниях.

«Кого ты обманываешь? – мысленно обратилась я к себе, трогая руками худое лицо. – Неужели не видишь, что смерть её не принесла тебе облегчения? Не принесла покоя, которого ты так сильно ждала. Ты всегда была одна, со старухой или без. И тебе не стало лучше от того, что она ушла из жизни, так ведь? Нет, не стало. Но станет. Нужно только покинуть дом. Но как же мама? Ты оставишь её? Правда оставишь?»

Я закрыла глаза, не желая смотреть на своё раздвоенное отражение. Не желая самой себе отвечать на вопросы, которые требовали ответа. Надо признать, я не знала, что мне делать дальше. С чего начать и куда податься. Но ничуть не сомневалась в том, что мне просто необходимо доверху набить чемоданы. Забить их бесполезным тряпьем, и, быть может, тогда...

Зазвонил телефон. Я не сомневалась, что звонит, как всегда, тетка, но не хотела отвечать на звонок. А потом вновь подумала, что мне некуда идти. В надежде, что она предложит мне свой дом, я ответила на звонок.

– Ну, как прошли похороны? – спросила она будто бы сонно.

– И тебе здравствуй. Не думала, что тебя это волнует, ведь ты там не появилась.

– Потому и звоню. Не будь такой стервой, Кира. Я вовсе не плохой человек. Просто у меня были на то свои причины.

Внезапно я увидела закатившийся под кровать магический шар вроде тех, на которых гадают ясновидцы и колдуньи, и зачем-то кинулась выуживать его оттуда, встав на колени. Зачем он мне в дороге, не задумывалась, но понимала, что должна себя чем-то озадачить. – Ага, – подтвердила я ни без сарказма, хотя и ей, и мне было известно, что сестры не особо-то проявляли вообще какие-то чувства по отношению друг к другу. – Я так и подумала.

– Так как прошли похороны? Мне правда жаль, что меня не было рядом.

– Двое изрядно выпивших мужиков с кривыми рожами приволокли на своих до мозолей натруженных руках гроб, сколоченный из полусгнивших досок. Заметь, я сама выбирала те доски. Пока несли, один из них споткнулся и уронил свой край. Я слышала, как старуха брякала внутри него, но ничего страшного не случилось, доски выдержали, и наша упокоенная старушка тоже. Они опустили гроб в зловонно пахнущую мертвечиной землю и закопали могилку, не произнеся ни слова, но то и дело попивая из маленьких таких фляжечек какое-то пойло. Я бросила на тот холмик две ярко-красные гвоздики и тем самым простилась со старухой навсегда. Было холодно, ветрено и мерзко, но, думаю, ты и сама это знаешь.

– Жаль, что тебе пришлось организовывать всё самой, но у меня не было возможности, – не поддаваясь на провокацию, сказала тётка.

– Она похоронена на Старообрядческом кладбище, если тебе интересно. Это в...

– Мне известно, где это. Знаешь... – Она как будто сомневалась говорить или нет, а потом всё же произнесла: – Я заеду к тебе на днях. Привезу еды.

– В четверг, – поправила я безэмоционально.

– Да. В четверг. Проведаю тебя. Ведь ты там совсем одна.

Признаться, мне было тошно слушать её наигранное беспокойство. Я то и дело поглядывала то на чемоданы, сжимая в руке блестящий шар, то на входную дверь, словно ожидая появления кого-то. Я вновь ошиблась, предположив, что тётка способна на сочувствие, кото-

рое включало в себя мой переезд в её драгоценное жилище. Нет. Похоже, и там мне не было места. Может, она даже считала, что меня и так всё устраивает. В любом случае, я не стала говорить ей, что к четвергу меня здесь уже не будет.

– У меня всё нормально, тётя. Благодарю за участие. Я уже не маленькая девочка и... – Не договорив того, что собиралась сказать, я вдруг замолчала, потому как обнаружила на своём плече бабочку. Она сидела спокойно, медленно шевеля ярко-жёлтыми крылышками. Я понятия не имела, как она называется, но точно знала, что видела её прежде огромное множество раз. Видела высушенной и мертвой, приколотой маленькими булавочками где-то в гостиной. Не без труда я отвела от ожившего насекомого взгляд и заметила, что и все остальные рамочки пусты. Но как такое возможно? Готова поклясться, что ещё несколько минут назад бабочки были на своих местах. Да и где бы им ещё быть? Но глаза мои говорили другое.

– Что ты задумала? – услышала я внезапно обеспокоенный голос тётки.

– До встречи, тётя. – сказала я и прервала вызов.

– Мама, ты здесь? Что происходит?

«Иди за ней», – услышала я шёпот матери, доносившийся как будто из колодца. Просто долетевшее до моих ушей эхо.

Мне и в голову не приходило как-то себя обезопасить. Ведь кто-то посторонний мог проникнуть в дом, да хотя бы пока я ползала под кроватью, пытаясь дотянуться до несчастного шара. Но я точно услышала бы звук отпирающейся двери или, возможно, разбитого оконного стекла. Потому я и толкнула дверь спальни вполне решительно, явно не ожидая увидеть того, что предстало передо мной.

Сотни вполне себе живых бабочек облепили дальний угол комнаты. Тот, в котором когда-то образовалась дыра в полу, под досками которого росли, распространяя зловоние, могучие корни дуба. Что-то манило туда оживших бабочек, и это что-то двигалось. Зажжённые свечи, что стояли на подоконнике и столе, пылали ярким жгучим огнём, на свет которого с того скопления то одно то другое порхающее крылышками насекомое срывалось, влекомое пламенем. Разинув от удивления рот, я наблюдала, как они подлетали к огню, обжигали себе крылья, а затем падали замертво. Но уже через секунду вновь взмывали вверх и возвращались на прежнее место.

«Бабуля была бы в ужасе, увидев их подпалённые крылья», – подумала я. А потом нечто, укрытое тельцами бабочек, вдруг зашевелилось. То, как разноцветные насекомые разом взмыли вверх, выглядело не просто красивым – фееричным. И тем большее впечатление произвело на меня то, что я увидела после всей этой красоты. Притаившись в углу, обхватив колени рукой, сидел мальчуган. Тот самый, которого я видела в своём видении, в котором не смогла найти тело матери. Сидел неподвижно, с любопытством рассматривая меня. Не плакал и не стонал. А должен был бы, судя по тому, что открылось моему взору. Я вскрикнула, не сумев сдержать удивление, а он лишь сказал:

– Они не знают, что умереть не могут. Поэтому и калечат себя.

Выглядел он намного хуже, чем мне запомнилось. Теперь я отчётливо могла рассмотреть ссадины и порезы на его руках и лице. Но он, как и прежде, не реагировал на боль.

– Нет, нет, нет. Это просто бред. Галлюцинация. Его не существует. Ты просто переутомилась, – поведала я то ли мальчонке, то ли самой себе, а потом попробовала потереть глаза. Эффекта это никакого не произвело, так как я всё так же видела его, вполне реального, несмотря на отсутствие глаза и торчавшей из груди железяки.

В тот самый момент глубочайшего замешательства меня и ужалила одна из бабочек. Чем? Непонятно. Ведь у бабочек нет жала. Природой не предусмотрено. Но то точно был впрыск яда под кожу, от которого я невольно вскрикнула, а затем одним резким ударом пришибла порхавшую тварь. Мальчик не обратил внимания на произошедшее и принялся возить по полу почти оторванной рукой, заставляя насекомых беспокойно взмывать вверх. Играл с ними. Теперь его

школьная рубашка была застёгнута, а поверх неё надета жилетка со скачущими по ней вязаными оленями. Всё те же рваные брюки.

– Но как такое возможно? – еле слышно спросила я.

– Ты когда-нибудь думала, как выглядит зло? Чувствовала, чем оно дышит? – спросил труп мальчика, проигнорировав мой вопрос.

Зло? Причём тут зло? О каком зле он говорит? Я не знала, что ему ответить. Заворожённо смотрела на ребёнка, на теле которого видела травмы, несовместимые с жизнью. И тот ребёнок говорил. Он двигался и, похоже, вовсе не собирался исчезать.

Годы безуспешных попыток заглушить внутри себя неустанно звеневший голос матери привели к тому, что теперь я видела перед собой ещё и ребенка, которого в живых быть не должно. За что мне это? Чем я разгневала судьбу?

– А оно дышит, – добавил он настойчиво.

– Пошёл ты нахер! – крикнула я и выбежала из комнаты, захлопнув дверь. – Тебя нет. Тебя не существует. – Я колотила себя по голове, стараясь прервать видение, а потом вдруг вспомнила слова старухи, произнесённые ею перед смертью. – Кажется, она что-то говорила о мальчике, который придёт ко мне. Нет. Выкинь этот бред из головы. Не думай о старухе. И о пацане не думай. Он сдох давно. Просто возьми чемоданы и скройся. Сбеги из дома в том, в чём есть. Даже не переодевайся. Ничего тебе больше и не нужно. Правильно. Так и нужно сделать – решила я, но всё равно кинулась к чемоданам. Немало усилий приложила, чтобы защёлкнуть заржавевшие замки, но в итоге они поддались мне. Я взяла только один, решив, что на первое время мне и этих вещей вполне хватит. Побежала к двери, но, схватившись за ручку, поняла, что не в состоянии открыть её. Она была заперта! Я дергала и дёргала её, отчётливо сознавая, что не закрывала дверь. Бросила чемодан на пол и принялась выламывать её обеими руками, пока совсем не выбилась из сил.

«Но это невозможно», – подумала я, оседая на пол.

– Возможно, – ответил труп мальчика, находившийся внутри моей запертой комнаты.

«Дура! Он ждал, когда ты выбьешься из сил». Возможно, даже насмеялся над моими тщетными попытками выбраться наружу.

Но ведь есть же ещё и окна.

– Окна заперты тоже. Нет смысла бежать от меня. Отныне мы связаны. Ты не сможешь выбраться отсюда без меня.

Но я не поверила ему. Заперты? Да пофиг мне, что они заперты. Со стоявшей неподалёку гладильной доски, я схватила утюг, первое, что попало мне под руку, и швырнула его, сжавшись всем телом, ожидая грохота разбитого стекла. Но его не последовало. Я услышала, как утюг с глухим ударом достиг цели и отскочил, словно стекло было бронированным.

– Что всё это значит?! – завопила я. На глазах проступили слёзы, но я не позволила себе разреветься.

– На самом деле ты не хочешь уходить отсюда. Только думаешь, что хочешь. Ты и впрямь думаешь, что, покинув дом, обретёшь покой? Наивная девочка. Покой должен быть в голове. Ты не найдёшь его, куда бы ни пошла. Я же могу дать тебе то, что ты ищешь. Не беги от меня.

«Не позволяй ему запудрить тебе мозги. Он всего лишь ребёнок. А ещё он мертвец. Что может сделать тебе мертвец? Ничего». Но ведь я не могу выйти из дома. «Да ну не будь же ты идиоткой, вполне возможно, что дело вовсе не в ребёнке. Соберись. Просто подумай», – настаивал голос в моей голове, но я отказывалась внимать ему. Я так устала бороться.

– Я просто хочу к маме. Хочу, чтобы она не умирала. Или чтобы все, что случилось со мной после её смерти, просто исчезло. Исчезло так же легко, как исчезает ночной кошмар. – Я сдалась. Подошла к двери в комнату, касаясь её ладонью и зашептала:

– Верни мне мать. Верни мне жизнь, что я так и не прожила... Верни мне себя.

Мне было всё равно, слышит он меня или нет. Если он реален, а не плод моего воображения, то, возможно, способен сделать то, о чём я прошу.

– Вы вернётесь с ней к началу, и ты встретишься с ней. Обещаю. Открой дверь, – попросил он, и я открыла. Увидела себя его глазами, точнее, глазом: девушку с растрёпанными чёрными волосами, которые достались мне от отца, и сверкающими от слёз глазами. Но смотрел он мне не на лицо и не на халат, застёгнутый лишь на две пуговицы, а на мою ногу с длинным белым шрамом поперёк колени. – Она не должна была этого делать.

– Но сделала.

– Ты чувствуешь боль? – спросил он и поднял, указывая на меня почти оторванной рукой.

– Постоянно. Ты же Артур, да? Тот самый, который умер много лет назад.

– Артур? – повторил он словно эхо. – Возможно. Я не помню.

– А что помнишь?

– Злость и страдание. Безысходность. Помню, как висел над дорогой, насаженный на торчащий из ограждения шпиль, и лицо молодой женщины, бившейся в истерике. Их там было много, но их я не помню. Помню её.

– Но как такое возможно? Как возможно, что ты дышишь? Ты выглядишь как мальчишка, искалеченный мальчик, но говоришь как мужчина. Неужели не чувствуешь, что мёртв? Не чувствуешь, как из глаза вытекают твои мозги, а кисть руки, что болтается безвольно, давно сгнила и воняет, как и твоё сердце, пронзённое железкой?

Парнишка смотрел на меня какое-то время задумчиво, не пытаясь что-либо опровергнуть, и лишь порхавшие вокруг него бабочки нарушали тишину шелестом своих крыльев. А потом он словно впервые посмотрел себе на грудь и на торчавший из неё кусок металла. Не раздумывая больше и не выказывая никаких эмоций или беспокойств по этому поводу, он схватился целой рукой за край железки и резко выдернул ее из груди. Что-то тёмное выплеснулось на его жилет, и я уже не видела одного из двоих оленей, вышитых на его вязаной кофте. Посмотрев на зазубренный металл, он безразлично отшвырнул его в сторону и сказал:

– Я настолько же мёртв, насколько ты жива. Всё это не имеет значения.

– Ты позволишь мне прикоснуться к тебе? Я должна убедиться, что ты не плод моего спятившего воображения.

Он медленно кивнул, словно и сам понимал, насколько большое это имеет для меня значение. Я двинулась вперёд, осторожно ступая по полу, сплошь покрытому трепыхавшимися в агонии бабочками. Их, между тем, казалось, вовсе не волновала надвигающаяся угроза. А меня, признаться, не волновали они, и потому я не заморачиваясь пошла прямо по ним, слушая, как они хрустят под ногами.

– Тебе их не жалко? – спросил меня мальчонка, прежде чем я остановилась напротив него.

– Честно? Я никогда не испытывала нежных чувств к насекомым. Даже к таким вроде бы красивым, как эти, – ответила я и протянула к нему руку. Она прошла сквозь его изуродованное лицо и коснулась стены, из чего следовало, что он либо призрак, просто бесплотный дух, либо его не существует в действительности. Что хуже, я и сама не знала.

– Ты удовлетворилась?

Я кивнула, не зная, как реагировать. Ведь я видела его. Не могла прикоснуться, но ведь видела. Он не был сном или иллюзией, тогда чем же он был?

– Тогда и ты выполни для меня одну маленькую просьбу. Принеси мне кролика, того самого, что ты видела тогда в беседке. Жуткого одноглазого кролика, похожего на меня. Он лежит в кладовке, в клетке с проржавевшими прутьями, в которой вы когда-то держали птиц. Хочу, чтобы ты принесла мне его. Он мне очень нужен.

– Вы держали? – Я чуть не рассмеялась. То был бы истеричный смех, но я сдержалась. – Я держала. Пыталась держать.

– Почему?

– Сначала расскажи мне, что не так с этим кроликом.

Мальчик вдруг поник. Опустил голову и принялся рассказывать тихо, словно боялся, что его кто-то услышит. Во время рассказа он был ребёнком, не мужчиной.

– Она всегда включала музыку. Весёлую музыку, но та, как правило, заканчивалась печально для меня. Я грустил. И она грустила. Не знаю, зачем она так делала. Не помню, что за песня, но если напоёшь, то я узнаю. Затем она усаживала нас обоих, и меня, и кролика, у стола. Всё уже лежало на нём, дымилось и пахло. Она всегда говорила, что вкусно готовит, но мне не нравилась её еда. Никогда не нравилась.

Затем она кормила кролика, поднося к его вечно закрытому рту и носу ложку с едой, и спрашивала, что говорит мне кролик. Он сопротивлялся ей, как и я. Я отвечал, что кролику ненавистна её стряпня, и она начинала кричать и плевать. Если я и хотел есть до этого, то после уже точно нет. Знал, что если она примется бить моего кролика и разрывать ему живот, запихивая дымящуюся пищу, то вскоре сделает это и со мной. Всякий раз пытался спрятаться и убежать от неё, но она всегда находила меня и в конце концов начала привязывать мои руки к стулу. И я терпел. Всегда терпел. Давился. Не мог обидеть или убежать. Но она никак не могла приготовить то, что я люблю. А потом она выдернула кролику глаза. Возможно, хотела бы выдернуть их и мне, но этого почему-то не случилось... – Мальчик теперь трясся от дрожи и ковырял свою полуоторванную руку. Он буквально захлёбывался эмоциями, но рассказ не прервал. – Я спрятал его наверху. Закидал мешками и старой одеждой. Думал, если она не сможет причинять вред ему, то не сможет сделать больно и мне. Но она всё равно делала, хоть и не смогла отыскать тогда игрушку. Он был другом мне, и я вытащил его обратно. Зашил чёрными нитками все, что она разорвала, насколько смог и больше не позволял ей делать ему плохо.

Да. Я их видела. Неровные корявые крестики, что сцепляли тушку истерзанного кролика на животе. Но не только нитки. Были там ещё и булавки.

– Сам не знаю, зачем это сделал. Наверное, любил его больше, чем думал. Она могла сжечь его, растерзать, разрезать, но я не мог оставить его одного. Много лет спустя появилась женщина со светлыми волосами. Она была очень похожа на тебя, но не способна была сделать то, за чем её отправили ко мне. Не смогла принести мне кролика, потому она до сих пор там, где я оставил её. Сидит на корявой трухлявой скамейке у пруда и всё повторяет один и тот же стишок. Я пытался слушать её, но строчки того стишка всякий раз ускользают от меня. Растворяются, уносясь с порывами ветра.

– Эта женщина... Она... Ты говоришь о моей маме? Скажи мне, где она? Где ты её оставил?

– Принеси мне кролика! – взорвался он так внезапно и громко, что у меня даже дыхание перехватило от испуга. В следующее же мгновение рука его с почти оторванной кистью взметнулась вверх, и я с ужасом подумала, что сейчас-то она точно оторвется, прилетев мне прямо в лицо, но этого не случилось. Мальчишка с грохотом ударил ею по полу, по мирно сидевшим на нём бабочкам и раздавил ладонью не меньше десяти из них.

– Твою мать! – выругалась я, пятась. – Ладно, ладно. Я принесу. Не нужно так кричать, а то у меня сердце остановится. Я сейчас. Мигом.

– Мне некуда бежать. Не беспокойся, я дождусь тебя, – уверил он.

Понятия не имею, откуда ему было известно о клетке, стоявшей в глубине кладовки, но, похоже, этот разлагавшийся сорванец знал вообще всё. Я вспомнила, как когда-то в той клетке сидели два попугайчика. Самочку с жёлтым оперением звали Донной, а самца с голубыми перьями – Микки. Старуха свернула им обоим шеи, я уж и не помню почему, но точно знаю, что с тех пор птиц в нашем доме больше никто не заводил, да и тех принесла тётка, поставив тайком на стол в моей комнате.

Я нашла её – увитую паутиной, с помятыми прутьями, так быстро, словно запихала её туда всего неделю назад. Безглазый заяц действительно сидел внутри и будто бы смотрел на меня. «Ты чего так долго?» – говорили его отсутствующие глаза – две дыры на порванном меху, но я предпочла не отвечать на его немой вопрос.

Сначала маленький замочек на дверце не хотел отпираться, но я открыла его, хоть руки мои и тряслись от напряжения. С силой раскрыла маленькую дверцу и, сунув руку внутрь, попыталась дотронуться до игрушки. Но кролик, как и мальчишка, оказался бесплотным. Не кролик – просто серая дымка. Секунд десять я смотрела на него ошалело, пытаюсь понять, что же я делаю. А затем увидела, как плюшевый неодушевлённый предмет расплылся в диком оскале, отчего швы на его щеке потрескались и разошлись. Я заверещала, не знала, что способна на подобные звуки, отшвырнула клетку в темноту кладовки и со всех ног понеслась обратно к мальчугану.

– Я не смогла. Он... он такой же, как и ты. Я не смогла до него дотронуться. Он оскалился на меня. Жутко страшно на меня оскалился, так, что все швы полопались на его щеках.

– Это странно, – задумчиво проговорил мальчик, а потом вдруг захныкал, сильно чем-то расстроенный. – Ты должна была его поднять! Почему же не можешь?!

– Я... извини. Я попыталась...

– Может, просто не время ещё. Просто не время, точно. Потому что... – Он не стал договаривать. Опираясь на здоровую руку, поднялся с пола и направился ко мне. Неожиданное прикосновение его руки было склизким, как если бы рука была потной, но кожа на ощупь оказалась вполне тёплой. Я даже не вздрогнула от отвращения, так сильно была напугана. Просто замерла, забыв о том, что нужно дышать. – Ты хотела выяснить, реален ли я. Тогда знай, что я могу влиять на твою плоть. Ты на мою нет. И кролик тоже может, и, кажется, он собирался отхватить тебе палец. Неудивительно. Он очень голоден. Всему своё время.

Медленно я отодвинулась от него.

– Ответь, зачем ты здесь? Как ты проник сюда и откуда? – охрипшим голосом спросила я.

– Я не проникал. Я всегда был здесь. – ответил он и вслед за наступившей тишиной, перед которой все бабочки вдруг разом замерли и тут же рассыпались, словно и не были никогда чем-то большим, чем просто пыль, он прошёл мимо меня и, не закрывая двери, покинул комнату.

Лютый холод вокруг, но не в душах утят.

Страх нет. Боли нет. Лишь желанье играть.

Плавать по пруду, резвиться, скакать.

Дела им нет, что волнуется мать.

Его тихое заунывное бормотание словно бы вернуло меня в реальность. Он знал слова того стишка и намеренно пытался разбудить во мне какие-то детские воспоминания. Но для чего?

– Она где-то там? Где-то рядом с тобой? – с надеждой спросила я, выходя за ним следом. Если это так, если это правда, то, возможно, даже, скорее всего, она в беде. Звучит странно, конечно, если учесть, что умерла она много лет назад, но вот мальчишка, вот этот изувеченный полуразложившийся труп, передвигавшийся по дому так, словно в нём вырос, говорило мне о том, что жизнь после смерти существует и, возможно, мама моя сейчас в западне.

– Она рядом с тобой, – усмехнулся пацан, глядя на меня как на идиотку, всем своим видом давая понять, что это очевидно. – Ко мне она приходит нечасто. Всегда грустная. Думаю, ей тревожно за тебя. Раз за разом я слышу этот стих, но он не для меня. Он для тебя. И мы выясним, что она пытается тебе сказать. Возможно, ты и сама уже вспомнила?

Я почувствовала, что он пытается залезть ко мне в голову. Он, словно червь, кружился в моей памяти, ища лазейку к тем воспоминаниям, которые скрыты глубоко, но не находил её.

– Нет. Я не помню. Может, ты удивишься, но я очень хотела бы вспомнить. Но иногда мы просто не в силах. Вот и всё.

Прихрамывая, словно дед, потерявший костыль, передразнивая мою походку, он зашёл в гостиную.

– Подойди, – попросил он. – Не будем затягивать с тем, что неизбежно. Я расскажу тебе кое-что.

Я замешкалась. Знала, где остановился этот выпендрёжник и что его туда привело. «Поднимись на чердак, – сказала тогда старуха. – Отыщи книгу». Я понимала, что, возможно, это мой последний шанс. Шанс изменить правила игры в свою сторону, но, оценивая свои возможности, не видела другого выхода, кроме как подчиниться ему. Сбежать у меня не получилось, и вряд ли вторая попытка дала бы хоть какой-то результат. Позвать на помощь я тоже не могла. Кто поверил бы, что в доме завелись привидения? Скорее меня бы просто связали и отправили на принудительное лечение. Мне даже пришла мысль, всего на секунду, но настолько яркая, что меня передёрнуло, словно от ворвавшегося в дом сквозняка: покончить жизнь самоубийством. Взять с кухни нож, один из тех, что бросила при готовке своего заключительного блюда старуха, и перерезать себе... Нет. Так я маме не помогу, да и себе тоже. Если он после смерти преследует меня, какова вероятность, что я освобожусь от него в другом мире?

– Думаю, тебе неизвестно, что погибла она из-за тебя? Не думаю, что старуха посвящала тебя в то, что произошло тогда. Ты была совсем крохой. Никчёмной, неразумной сущностью, которая должна была вырасти в нечто важное. Тебе отвели роль уже при рождении. Она знала это. Пыталась спасти и расплатилась по счёту жизнью. Если ты желаешь загладить вину перед матерью, если хочешь, чтобы жертва её не оказалась напрасной, становись на лестницу и полезай наверх.

– Это ложь!

Мне хотелось схватить его, встряхнуть так сильно, насколько хватило бы сил. Выбить из него всю эту дурь, чтобы он замолчал. Но я не могла этого сделать. Сволоченок пытался заставить меня делать то, что ему было угодно, и у него это получалось. Нужно найти способ избавиться от него. Возможно, провести какой-нибудь ритуал. Один из тех, что проводила бабка по ночам, стоя в лунном свете. Но я не знала ни одного из них, потому как не хотела знать ничего, что знала она.

Трясаясь от злости, подошла к лестнице на чердак и остановилась. Я вновь мешкала. Не без причин. Не знаю, сколько времени прошло, пока мы безмолвно смотрели на друг друга. Он с ехидной улыбкой на лице, я со сжатыми от гнева челюстями, но когда я приняла, наконец, решение, уже видела лишь очертания его лица. Ни увечий, ни зиявшей вместо глаза чёрной дыры, похожей на бездну, ни отвратительно порванной щеки, через плоть которой наружу всё время что-то торчало. Зубы, язык или ещё какая-то мерзость. На улице смеркалось.

Возможно, где-то там же, наверху, найдётся и книга с ритуалами. «Чем чёрт не шутит», – подумала я и ступила на первую ступеньку. Закутавшись поплотнее в халат, бесшумно, ничего более не говоря, отправилась наверх, на чердак, вооружившись от терзающих мою душу страхов одним лишь фонариком, который, словно заранее кем-то приготовленный, лежал на комодке рядом с лестницей. Оказавшись на верхней ступеньке, вновь припомнила воображаемое мною безжизненное тело старухи с торчащей из горла трахеей, но отогнала от себя эту мысль.

«Чёрт! Успокойся. Возьми себя в руки! Проклятая стерва давно уже мертва. Её тело гниёт в могиле, засыпанное двумя метрами земли», – мысленно отругала я себя, попытавшись приподнять крышку, ведущую на чердак, но у меня ничего не вышло. Я осветила на неё фонариком и заметила то, чего не наблюдала там ранее. Три здоровенных гвоздя, заколоченных наискось в основание чердака. Сначала я даже оторопела, размышляя, как же они здесь оказались, ведь старуха этого сделать никак не могла. Старуха как раз-таки и отправила меня на чердак. Вряд ли она заколотила бы его перед кончиной. Не сразу, но до меня дошло, что забитые гвозди – проделки моей тётки.

– Ты была здесь, тётя? – произнесла я вслух.

– С кем ты разговариваешь?

– Сама с собой, ведь я с ума сошла, раз делаю всё это. Неужели не заметно?

Возможно даже, что она была здесь во время похорон. В момент, когда я хоронила бабу, она пробралась в дом и заколотила крышку чердака. Поэтому и не появилась тогда. Ведь она точно знала, что в тот момент дом будет пуст. Но зачем? Зачем она сделала это? Что пыталась скрыть от меня? На секунду я замерла в нерешительности. А может, и впрямь не стоит отпираться, что закрыто? Почти утихнувшая во мне злость пробудилась с новой силой.

– Ты могла бы рассказать мне всё! Могла бы предупредить меня, не превращая всё это в тайну. Ты ошиблась, тётя. Зря ты это. – В этот раз мальчонка даже не отреагировал, а я в спешке спустилась в кладовку и достала гвоздодёр, стараясь не смотреть при этом на заброшенную вглубь клетку.

Мне пришлось немало попрыгать, но я всё же открыла её. А когда приподняла, в лицо ударила слабая полоска света. Луч, освещавший лицо незваного гостя, исходивший из маленького запylённого окошка с рамой в виде креста. Я представила своё испуганное лицо и тень, падавшую на него от того крестообразного окна. Этот образ ужаснул меня, но не настолько сильно, как мальчик, сидевший у коробок на корточках. Тело его было сокрыто в полумраке, но единственный уцелевший глаз теперь светился жёлтым, как если бы это был глаз кота. Глядя на его одиноко светящийся глаз, я подумала о полной луне. Как же это иррационально – словно луну сняли с ночного небосвода и воткнули в глаз ребёнку, сидящему тихонько на грязном чердаке, вполне вероятно кишасщем огромными пауками. Луна в комнате, не на небе.

– Твою мать! Опять напугал, – огрызнулась я.

– Я не помню своей матери, – ответил он. – Я пытался найти кролика. На самом деле, много раз уже искал, но ничего не выходило. Думал, может сейчас... Может, смогу, наконец, поддержать его в руках. Может, смог бы взять его здесь, на чердаке. Когда-то я прятал его именно тут, понимаешь?

– Понимаю. Не понимаю одного: как тебе удаётся через стены проходить? Как ты, мать твою, оказался здесь быстрее меня, ведь ты из плоти и чего там ещё?

– Ты сердисься? – спросил он наигранно уныло, но ни на один вопрос ответить не пожелал.

– Сержусь?! Да я в бешенстве, пропади оно всё...

Попыталась вылезти целиком, но халат зацепился за что-то, и я даже подумала, всего на мгновение, что рука покойницы уцепилась за него, не давая мне приблизиться к коробкам, которых я и без того боялась.

– Ты сама сюда меня оправила! – крикнула в черноту под ногами и резко дёрнула за подол. Оказалось, порвала, но сожаления никакого не испытала. Прямоком направилась к коробкам, стараясь поскорее убраться с чердака. Но застыла как вкопанная, как только подошла.

Нет. Я не такая смелая. Вовсе не такая смелая, как мне хотелось бы думать.

– Что встала? – спросил Артур, поторапливая меня.

Кажется, я не смогу. «Что произойдет, когда добуду то, за чем пришла? Вдруг случится что-то непоправимое?» – подумала я, но Артуру ответила:

– Ничего. Всё нормально. Давай покончим с этим, раз пришли.

Коробок было шесть, сложенных друг на друга в два ряда. Я принялась перекладывать их с места на место так ожесточённо, так увлечённо, что даже не услышала приглушенного хлопка, прозвучавшего откуда-то из глубины чердака. Но услышал мальчик.

Конечно же, нужная мне коробка оказалась в самом низу. Я добралась до неё, подумав при этом, как же это бабуля перетягивала их с места на место каждый день? И ведь не щадила же сил. Зачем?

Коробка была измятой, местами грязной, в жирных пятнах. Я попыталась открыть её и тут же отшатнулась, так как на поверхности книг кишмя кишели какие-то жучки. Вновь

выругалась и постучала по коробке ногой в надежде, что насекомые разбегутся по углам. Выждав с минуту, вновь приблизилась к ней. Внутри лежали книги. Много книг. Любовные романы, но в основном кулинарные книги. Приготовление салатов. Приготовление вторых блюд. Целая книга посвящалась соусам. Корешки тех книг пестрели названиями вроде «Изысканная выпечка от мастеров кухни» или «Божественные десерты в домашних условиях», но нужная мне была единственной без названия. Грубый кожаный переплёт, в темноте показавшийся мне почти багровым, на самом деле имел светло-бежевый оттенок.

– «A moment of choice, is a moment of truth», – прочла я вслух вытесненную на обложке надпись. – Момент выбора – это момент истины. Так, кажется.

Меня никто не услышал. Мальчик куда-то исчез, но меня это вовсе не озаботило. Нужно было побыстрее проверить все коробки в поисках хоть каких-нибудь упоминаний о мальчишке или способе избавиться от него.

Книга явно была старой. Об этом говорил не только затхлый запах старой кожи, но и пожелтевшие от времени плотные страницы, исписанные каллиграфическим почерком, прежде который мне видеть не доводилось. Но писала определённо бабка. Откуда я знала это, непонятно, но сердцем чувствовала, что это так. Интересно, как давно это было?

Почти к каждой странице была прикреплена яркая фотография с изображением блюда. Фотки явно появились куда позднее, чем записи, сделанные на страницах. От фотографий книга казалась раздутой, переполненной, словно не желала принимать ничего лишнего. Я быстро пролистала шуршавшие под пальцами страницы и обнаружила, что к некоторым рецептам фотография не прилагалась. Вместо этого под ними значилась жирная надпись «Не готовить». Я насчитала восемь таких страниц и вновь внутренне содрогнулась.

Восемь рецептов блюд, при взгляде на которые мой желудок судорожно сжимался в комок, а рот наполнялся слюной. Я вдруг испытала невероятно дикий голод. Восемь имён с адресами людей неизвестных мне и всевозможные приписки с указаниями под каждым рецептом.

«Вот сука», – в очередной раз подумала я. Отшвырнула книгу в сторону и судорожно принялась перерывать оставшиеся коробки, в которых, к моему глубочайшему сожалению, оказались вовсе не книги, а какое-то старое барахло, и лишь в одной из них посчастливилось найти какие-то тетрадки. Захлопнув коробку с записями, я подняла её и уже собралась к лестнице, ведущей вниз, но увидела мальчика склонившегося и разглядывавшего что-то на полу.

– Что ты там делаешь, Артур?

– Ты разве ничего не слышала? – спросил он, загораживая мне обзор на то, что с таким интересом разглядывал.

– Нет. Я ничего не слышала. Мне страшно до ужаса, и я не хотела бы здесь задерживаться, так что просто покажи, что там. – Захотелось потянуть его за рукав рубашки и отодвинуть в сторону силой, но вовремя себя остановила, вспомнив, что сделать этого не могу. А что было бы, сумей я до него дотронуться? Что почувствовала бы, прикоснувшись к отвратной рваной ткани?

– Я услышал глухой удар. Такой, знаешь, как если бы что-то упало на пол, и пошёл посмотреть.

Он отодвинулся, и я увидела на деревянных досках птицу. Её довольно большое для вороны черное тело трепыхалось в предсмертных судорогах, а клюв то и дело открывался, пытаясь вдохнуть, но по виду птица эта давно уже была мертва. Местами лысая, с дырками в разлагавшемся теле. Кожи на её голове не наблюдалось вовсе, но она всё равно подёргивала лапками в тщетных попытках приподняться.

– Ты чувствуешь запах? – спросила я мальчика.

Должно было пахнуть гнилью или кровью, или затхлостью от пыльного чердака, но пахло землёй. «Свежим влажным черноземом, который бывает на кладбищах», – только и успела подумать, ведь совсем недавно вдыхала в себя подобный аромат.

– Отойди! – крикнула я мальчонке, но покрытая землёй рука уже схватила его за ступню.

Она появилась из темноты угла, из-под вороха тряпок. Она подстергала его. Не хотела спугнуть. Мне даже в голову не пришло, что это за рука, как она могла оказаться на чердаке и где, к чертям собачьим, остальное тело. Но рука вцепилась в мальчика крепко и принялась тянуть его в темноту образовавшегося за ней провала. Он заверещал так сильно, словно впервые в жизни испытал страх. Не могу сказать, почему кинулась на помощь, но бросила коробку на пол и схватилась за ржавый топор, что принесла вместе с гвоздодёром просто на всякий случай, и принялась рубить ту руку со всей возможной силой. Что-то в том тёмном углу сначала чавкнуло, а потом охнуло, когда отсечённая по локоть конечность упала на пол.

– Оставь её! – строго приказала я пацану. – Быстро с чердака. Мы и так тут задержались.

Когда мы кое-как спустились, мальчонку потряхивало от нескончаемых конвульсий, как будто что-то поселилось внутри и терзало, не находя выхода наружу. Я глядела на подёргивавшегося юнца и представляла тысячи бабочек, исчезнувших из своих деревянных рамок, а затем превратившихся в пыль.

«Теперь они внутри него», – почему-то думала я. Несмотря на всю абсурдность подобного предположения, почему-то верила, что это не так уж и далеко от истины. Верила, потому как в рамочки они так и не вернулись. Я даже на всякий случай сфотографировала их, пустые прямоугольники, висевшие вдоль стен. Был момент, когда я подумала, что неплохо было бы вообще поснимать их и сжечь прямо посреди гостиной, устроив большой пылающий костёр, в котором сгорела бы и я, но так и не решилась.

Всё чаще до меня доносилось приглушённое бормотание и непрекращающийся стук зубов. Кажется, Артур замерзал, но это вовсе не мешало ему действовать мне на нервы, пока я изучала бабкины тетрадки, в которых, впрочем, не было ничего интересного. Лишь описания трав, фаз луны и, естественно, насекомых, обитавших в округе. Пока мне не попался ни один ритуал. Вообще ничего важного, что могло бы помочь. Но тетрадей в коробке оставалось ещё много. Рано опускать руки.

– Два утёнка. Два. К водной глади спешат. Точно глади? Почему они так долго добираются до пруда? Почему не замечают лису? Лису? Да, возможно. Глупые утята. Уф, Буф. Так, кажется, их звали? Или это я их так назвал? Надо будет спросить у женщины. А может, был третий? Может, будет? Тогда где же он? Не помню. Глупые утята. Зачем сбежали от мамы? Зачем рвутся в пасть к лисе? Точно! К лисе. Или в конце всё же не лиса? Тогда кто же? Надо вспомнить. Надо дождаться женщину. Она напомнит, что с ними дальше случилось. Они вдвоём идут к пруду. Холодно. Ярко светит луна. Скалится лиса.

Иногда он прерывался и смотрел куда-то, сосредоточившись на одной точке. Разговаривал приглушенно, обращаясь к кому-то, но я не видела никого.

«Там действительно кто-то есть? – размышляла я, поглядывая время от времени на него. – Или пацан выдумывает, чтобы напугать меня?» Не хотелось думать, что общается он с кем-то из тех людей, что окружали нас в видении под крышей из глицинии, но мысли такие приходили в голову всё чаще. Я отгоняла их от себя, опасаясь, что способна призвать кого-то ещё из мира мёртвых. Но терзало меня не только это. Ни разу в жизни ещё я не испытывала столь всепоглощающее чувство голода, которое всё возрастало во мне с тех пор, как я выудила на свет божий эту проклятую книгу.

Глава 4. Журек. Зашитые нитками руки

– Вот паршивая старуха! Эй, малец, признавайся, ты знал, что она разграбила кухню? Выкинула вообще всё. Буфеты, полки, на которых раньше стояли крупы, холодильник. Везде пусто. Вот ведь стерва, чтоб её! Уму непостижимо, померла уж как пять дней назад, а всё продолжает гадить, – крикнула я, выходя из кухни.

Когда разум помутился от голода настолько, что уже не могла соображать, что именно читаю в старых бабулиных записях, я отправилась на кухню в поисках пропитания, но, к удивлению своему, обнаружила, что бабка перед смертью изрядно потрудилась, выбросив всё, чем можно было бы утолить голод.

«Да, как, чёрт побери, я этого не заметила? – кляла себя я на чём свет стоит. – Ведь же заходила на кухню в последний день её мирской жизни. Ну да. И что увидела? Лужу крови, расплывавшуюся по столу, от размороженного мяса, очистки от лука, пустую упаковку от грибов. На полки даже не посмотрела. Не заглянула в холодильник. Да и зачем мне это нужно было? Тот день был насыщен событиями, потому я и не обратила внимания на отсутствующие продукты. А потом что? Потом я ходила в придорожное кафе. Пошла туда впервые в жизни. Ела то, что не готовила для меня тётя. И да, мне это понравилось, если не считать косых взглядов обслуживающего персонала. Я ела и думала, о чём же они все шепчутся, так ведь? Да.

Ладно, допустим, я не заходила на кухню всё это время и совершенно не предполагала, что у меня возникнет такая необходимость, но как же не заметила доверху набитые мусорные баки? Потому что вряд ли бабка могла утащить продукты куда-то ещё, да и не в том она была возрасте, чтобы таскать такие тяжести. К тому же, вероятно, она тогда уже знала, что выбрасывать их далеко не обязательно. Да и зачем, ведь я не могу покинуть дом.

Я прильнула руками и лбом к окну, выходявшему в сторону калитки, и тут же увидела два рядом стоявших бака. Крышка одного из них была раскрыта, ветром, вероятнее всего, а на верху его топталась собака, сжимавшая в пасти здоровенный кусок мяса. Похоже, псина размышляла над тем, как же ей спуститься, не потеряв при этом добычу, ведь на земле её ждали ещё две голодных шавки. Одна из них усердно вылизывала контейнер, если не ошибаюсь, один из тех вместительных, в которых тётя любила приносить лазанью или картофельную запеканку. Вторая же напряжённо следила за тем псом, что сидел наверху бака.

Всё точно. Сомнений быть не могло, старая скинула продукты в баки, но их оказалось не много. Плотной закрытой крышки вполне хватило, чтобы я не заметила подвоха. Да и чтобы стала делать, даже если бы заметила? Вряд ли сообразила бы закупить что-то впрок, ведь не знала же, в какой ситуации окажусь. Со злости я ударила кулаком по стеклу. Оно задрожало, завибрировало, но не разбилось.

– Чё-то я не поняла. Вы что, на пару со старухой решили меня голодом заморить, чтобы я поддалась и выполнила всё, что вы задумали? Так, что ли?

– Лично мне... это не потребуется. Ты и так сделаешь всё... что нужно. Думаю, она просто хотела подкрепить твою мотивацию. – Теперь он говорил так, словно у него отваливался язык. Тяжело и протяжно.

– Что ты делаешь?

Вернувшись в гостиную, я увидела его склонившимся над коробкой с записями. Он действительно что-то жевал и судорожно потряхивал головой, явно не контролируя это движение.

– Всё это... не поможет тебе, – заявил он.

Это мы ещё посмотрим, мелкий ты гадёныш.

– В этой коробке нет того, что ты ищешь, – зачем-то добавил он вполне нормальным голосом, и тут лицо его изменилось. Я увидела взгляд испуганного ребёнка. Взгляд человека,

не ожидавшего, что он произнесёт то, что произнес. Но это произошло, и пацан вдруг начал пятиться от меня, прикрывая рот рукой.

В этой коробке нет того, что ты ищешь. Так ведь он сказал? Значит, есть другие. Значит, где-то в доме всё же спрятано то, что могло бы мне помочь. Чтобы ни происходило с этим злобным мальчонкой, эту фразу произнёс точно не он. Я должна этим воспользоваться. Должна вспомнить. Думай! Я постаралась расслабиться.

Сделав вид, что ничего не заметила, я попятилась на кухню, но до неё не добралась. Вновь уселась в обитое велюром кресло, которое так любил кот. Постаралась отключить мозг, что требовал еду немедленно, и представила себе бабулю. Практически увидела её перед собой. Вот она сидит перед телевизором и чему-то ухмыляется. На ней тёплая вязаная кофта и рейтузы, на коленях банка с запертыми в ней мухами. Нет. Не то. Вспоминай. Вот она крадется в темноте по прихожей, возвращаясь из леса. Подол её тонкой ночнушки измазан в грязи, как и ноги. Взгляд пустой, отрешённый. Седые волосы взъерошены, и в них застряли сухие веточки. Она что-то бормочет себе под нос, но так тихо, что я не могу разобрать ни слова. Нет. Нужно ещё раньше. Видела ли ты её с коробкой? Хоть раз видела ли? Да. Видела! Озарение пришло так внезапно, что я чуть ли не вскрикнула от восторга.

Однажды ночью я видела её с коробкой. Помню, как встала тогда попить воды и натолкнулась на неё. Старуха, сгорбившись, сидела вот прямо на том стуле и будто дремала, а рядом с ней в кресле, где сейчас сижу я, лежал кот. Руками она сжимала коробку из-под обуви, но довольно большую, а когда услышала скрип половицы, пробудилась ото сна или, может быть, от транса. Я спряталась тогда за дверью и наблюдала, как она, оглядевшись, прислушалась к тишине. Потом кряхтя, оперлась на клюку и побрела к себе в комнату, шаркая тапочками.

Она отнесла её в комнату. «Отнесла к себе в спальню», – мысленно подтвердила я. Артур стоял в проходе с закатившимися глазами. Казалось, мальчишка шёл ко мне. Пытался помешать мне вспомнить, но что-то остановило его. Голова его металась из стороны в сторону, приводя меня в состояние дикого ужаса. Что-то происходило внутри него. Какая-то невидимая моим глазам борьба. Я решила воспользоваться моментом и немедля шмыгнула к старухе в спальню. Заглянув под кровать, тут же натолкнулась на вешалку, ту самую, отсутствие которой привлекло моё внимание в день смерти старухи. Она засунула её под кровать, пытаясь ограничить доступ к тому, что скрывалось за нею.

– Ничего у тебя не вышло, глупая ты стерва.

Рывком я вытащила вешалку из-под кровати, понимая, что, возможно, у меня не так уж и много времени. Чтобы там ни происходило с пацаном, вскоре это закончится. Я залезла под кровать всем телом, преодолевая жуткий запах мочи, что ударил в нос. Она была там. В самом дальнем углу. Пыхтя, я вытащила коробку и положила на кровать. Раскрыла и обомлела от сокровища, что попало мне в руки. Она была доверху забита всевозможными ритуалами.

– Ритуал на обретение силы, – читала я, перекладывая жёлтые шершавые листки, – ритуал на призыв духов, ритуал на создание связи с духом умершего, ритуал погружения в ненависть «Красная пелена». Так вот что старуха проделывала со мной. Ведьма. Не отвлекайся на эмоции, Кира! – сказала я самой себе и продолжила искать. – Привороты, привороты, снова привороты, ритуал для закрепления связи с любимым. Это всё не то. Как разрушить связь. Мне нужно что-то, что отправило бы гадёныша туда, откуда он явился.

В какой-то момент показалось, что я так и не найду то, что искала. Бумажки стремительно заканчивались, а из гостиной теперь доносился какой-то подозрительный гул, и он медленно, но приближался. Когда в коробке из-под обуви оставалось всего-то три листка я, наконец, нашла его – ритуал на изгнание. Облегчённо вздохнув, прижала заветный листок к себе. Хотела прочитать, что на нём было написано, но что-то подсказало: сейчас этого делать не нужно, и потому спешно сунула бумажку в карман халата. Скинула разбросанные записи в коробку

и пнула её обратно под кровать. Не прошло и двух секунд, как дверь спальни раскрылась, и я закричала, потому что кричал и Артур. Тот трубный звук, похожий на гул, как оказалось, вырывался из горла малыша. Он стоял в дверном проёме, закинув голову назад под углом в девяносто градусов. Рот его был широко раскрыт, а над лицом его, словно стая диких пчёл, летали бабочки, то влетая в рот, то вылетая обратно.

– Не бойся его, – успокоил меня голос матери, – он и сам не знает, как сильно страдает.

«О чём ты говоришь, Ута!? У него же сейчас башка отвалится!» – мысленно прокричала я, а потом увидела, как бабочки, неспешно кружась, стали залетать к нему внутрь. Ещё через минуту голова его с треском позвонков вернулась на место, а мальчик как ни в чём не бывало сказал:

– Всё. Время вышло. Я больше не могу ждать. – Секундой позже он подошёл и коснулся моей руки.

Очнулась я уже в машине. Что это была за машина, непонятно, но выглядела так, как выглядит старое разбитое Вольво. Последнее, что я помнила, было сильное ощущение жжения как раз в том месте, куда меня ужалила псевдобабочка. Рука и сейчас горела от ожога, но боль была меньшим из того, чего мне следовало опасаться на данный момент. Машина стояла припаркованной на какой-то незнакомой улице с высаженными вдоль неё акациями, густо цветущими в это время года. Где-то неподалёку громко лаяла собака. Я увидела женщину, копошившуюся на своём участке, что смотрела на меня с грустными припухшими глазами. Она махала мне рукой с зажатым в ней букетом каких-то красных цветов, перемешанных с травой. Махала по-приятельски, словно рада была моему появлению.

Как я оказалась здесь? Когда переоделась? Теперь на мне вместо неряшливо надетого халата был зелёный кардиган и чёрные джинсы. Мальчик сидел позади меня, увлечённо играя какой-то бумажкой, из которой он соорудил самолётик. С бумажкой?! Я вдруг внезапно вспомнила, как спрятала листок с ритуалом в халат. Нет. Не может быть. Неужели я лишилась единственного шанса избавиться от мальчонки? Затаив дыхание, медленно опустила руку к карману, стараясь не привлекать внимания Артура, и нащупала в нём сложенную пополам грубую бумагу. «Слава богу», – выдохнула я, – что бы он со мной ни сотворил, это всё же не отключило мою способность мыслить здраво. «Ничего, ничего, – подумала я, – при первой же возможности испытаю на нём ритуал, а пока просто буду делать то, чего он требует».

Книга лежала раскрытая на соседнем сидении. Как и продукты, закупленные вероятно мною же в беспамятстве. Я потянулась за ней и прочитала: «Журек». Михалков Андрей Викторович, 1969 год. Откровенно говоря, я понятия не имела, что это за блюдо и кто такой этот Андрей Викторович, но придирчиво прочла рецепт, раз уж предстояло его приготовить. Судя по всему, Журек был обычным супом немецкой кухни. Всё бы ничего, да вот только внизу, под рецептом, я увидела приписку, сделанную бабулиной рукой:

«Бекон и ветчину подержи на солнце до тех пор, пока на них не появятся личинки. После обработай их в пиве, а затем в солёном растворе. Добавь в блюдо баварских колбасок, порезанных равными кусочками по сантиметру, и чеснок. Их аромат перебьёт запах разлагающегося мяса. Зажарку из лука и морковки приготовь на сале погибшей от старости свиньи. Не используй масло. А закваску для бульона делай ровно сутки с добавлением крови месячного порося».

«Сутки на бульон?! Что же я буду делать целые сутки в доме незнакомого мне человека. От одной только мысли тошно», – подумала я, решив, что, приготовив закваску, тут же уеду домой, а вернусь уже потом. Я же не знала, что и заботиться не стоит об этом. За меня уже всё решила судьба.

Что же ты наделала бабуля? Неужели ты накормила этого бедолажного человека блюдом по этому рецепту? Что он мог сделать тебе такого ужасного?

– Он один из тех людей, что стояли тогда в беседке, я права?

– Не спросишь, как здесь оказалась? – Мальчик выпустил самолётик из рук, и тот спланировал на пол.

– Нет. Не спрошу. Мне вообще это всё не важно. Просто не делай так больше. Попроси, и мы это обсудим.

– М-м-м, – он скривил рожицу, – хотел поиздеваться над тобой. Думал, начнёшь биться в истерику, умолять вернуть тебя, а то и совсем потеряешь сознание от впечатлений.

– Жаль, что помешала твоим планам. Скажи мне только одно: ты уверен, что ты ребёнок?

– Конечно, ребёнок. А что, не похож?

– Рассуждаешь, однако, ты совсем не как дитя.

– Наличие интеллекта вовсе не мешает мне оставаться ребёнком. Ты так не думаешь? Впрочем, не нужно. Не отвечай. У нас совсем мало времени... – «У нас или у тебя?» – не без удовольствия подумала я. Может, найти какой-нибудь способ потянуть время? Может, с ним что-то случится? – Лучше я отвечу на твой вопрос. Ты права, тот к кому мы приехали, один из тех восьми, что стояли тогда в беседке, но для тебя это ровным счётом ничего не значит. Могу лишь сказать, что мы пришли сюда, чтобы изгнать из его головы мух. Они прожорливые. Очень прожорливые.

– Мух? – Господи боже, что за херня здесь творится?

– Ага.

– Но ведь все, кто там был, мертвы. Разве нет?

– Не все из них мертвы. Андрей Викторович мёртв, не стану спорить. Но это ничего. Его сын жив. Он вполне подойдёт.

«Знать бы, для чего он тебе подойдёт», – подумала я и открыла дверцу машины.

– Тебе как будто полегчало, – заметила я, глядя на его порозовевшее, но тем не менее жуткое личико. – Прибодрился. Совсем недавно думала, что тебе придёт конец. – Я вытащила с переднего сидения пакеты и захлопнула дверцу автомобиля.

– Не дождёшься, – ответил мальчик, но уже не из машины. Он стоял перед калиткой, готовый следовать за мной.

– Расскажешь мне, чья рука пыталась утащить тебя на чердаке?

Мальчик молчал какое-то время, а потом ответил, не скрывая печаль в голосе:

– Думаю, она перепутала меня с кроликом, – сказал он и исчез ещё до того, как я успела сформулировать следующий вопрос.

«Что-то определённо не так с этим несчастным кроликом, – подумала я. – Нужно разобраться с этим в первую очередь, а пока...» Потянулась рукой к карману, желая воспользоваться отсутствием парнишки, но не успела даже прикоснуться к бумаге, как он позвал меня, выглядывая из-за кустов:

– Ну где ты там? Скорее.

Ещё на подходе к дому, зажав в руках пакеты с продуктами, я услышала какой-то странный равномерный ухающий гул. Не громкий, но ощутимый, словно работала какая-то огромная машина вроде тех, что стоят в производственных цехах. Двухэтажный дом, выложенный из жёлтого кирпича, был огорожен высоким, но ржавым забором. Мне сразу показалось странным, что в столь густонаселённой части города дом стоял словно на отшибе. И с правой, и с левой стороны – одна лишь пустая земля. Похоже, единственной ближайшей соседкой как раз и была та грустная женщина. Будто люди намеренно избегали построек рядом с местом его обитания А может, это всё его земля? Как знать.

Мы прошли мимо крыльца, ведущего в дом. Я даже постучать не попыталась, просто пошла на тот не прекращавшийся, но нараставший звук по еле заметной тропинке, заросшей каким-то колючим кустарником, в котором затерялся Артур. Тропинке, ведущей туда, где, спрятанное от посторонних глаз, располагалось невысокое, но довольно большое по площади деревянное строение. «Возможно, сарай», – подумала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.